

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ.

ПАТРИАРШЕ ПѢВЧЕ ДѢЯКИ И ПОДДІАКИ—статья д. чл. Д. В. Разумовскаго.	241-253
ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ВОДУ, КАКЪ ПРЕСТАВЛЕНІЕ БРАКА—статья д. чл. А. А. Потебни.	254-266
АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ: 1) домъ Малюты Скуратова ст. чл. Н. В. Калачова.	267-270
2) Письмо изъ Италіи о древне-христіанскомъ сосудѣ, стат. В. Н. Вино- градскаго.	271-274
3) Нѣсколько данныхъ изъ житій Святыхъ для характеристики древне- русскаго иконописца, статья д. чл. И. С. Некрасова.	275-277
4) Археологическія разысканія въ Θεодосіи, составлено по официаль- нымъ документамъ.	278-282
5) Кубанская каменная баба (съ политипажемъ).	282-283
извѣстія, графъ Константинъ Плевичъ Тышкевичъ. А. К.	283-285

МОСКВА.

1868.

1965 г.

1962 г.

1957

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ МОСКОВСКИМЪ АРХЕОЛО-
ГИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Д. ЧЛ. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ГОДЪ 1867-68.

Составленный изъ трудовъ Гг. о. арх. Амфилохія, А. Н. Афанасьева, А. В. Брыкина, В. Н. Виноградскаго, К. К. Гёрца, В. В. Григорьева, П. С. Казанскаго, Н. В. Калачова, А. А. Котляревскаго, П. И. Лерха, М. А. Максимовича, Д-ра В. Маннгардта, г. Минха, К. И. Невоструева, И. С. Некрасова, А. А. Потебни, А. Н. Пыпина, Д. В. Разумовскаго, г. П. Ревякина, Д. П. Сонцова, И. И. Срезневскаго, А. Терещенка, В. Е. Тизенгаузена, гр. К. П. Тышкевича, гр. Е. П. Тышкевича, гр. А. С. Уварова, Д. О. Шепшинга, Э. И. Эйхвальда, и др.

Съ десятью литогр. снимками и политипажамн.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ В., Д. ШИЛОВОЙ.

1868.

1950г.

БИБЛИОТЕКА
НИ Ин-та Краеведческой
и Музейной работы

В-373

~~1929~~
14/11

~~425~~

ПАТРІАРШІЕ ПѢВЧІЕ ДѢЯКИ И ПОДДІАКИ.

ХОРЪ ПАТРІАРШИХЪ ПѢВЦОВЪ, ЕГО ЧИСЛЕННОСТЬ, ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО, ОДЕЖДА, ЖИЛИЩЕ, ПИЩА, ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ. ПРАВА И ПРЕИМУЩЕСТВА ПАТРІАРШИХЪ ПѢВЧИХЪ ДѢЯКОВЪ И ПОДДІАКОВЪ.

Всероссійскіе Патріархи, во все время служенія своего Русской церкви, постоянно имѣли при себѣ особый хоръ пѣвчихъ, извѣстныхъ по лѣтописямъ подъ именемъ Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддіаковъ.

Хоръ Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ и поддіаковъ, по своей численности, былъ очень значителенъ. Но численность Патріаршаго хора никогда не была опредѣлена строго и точно. При первыхъ Патріархахъ число пѣвцовъ было гораздо менѣе, чѣмъ при Патріархахъ послѣдующихъ, жившихъ во второй половинѣ XVII в. При Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1626 и 1627 г.) находилось только двадцать девять пѣвчихъ дѣяковъ и поддіаковъ, а при послѣднихъ Патріархахъ (1692 и 1698 г.) ихъ считалось уже пятьдесятъ человѣкъ; слѣдовательно почти вдвое болѣе.

Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддіаки составляли два отдѣльныхъ класса. Къ первому изъ нихъ принадлежали пѣвчіе дѣяки, а ко второму—пѣвчіе поддіаки.

Собственно пѣвчіе дѣяки, всегда почти въ числѣ десяти человѣкъ, раздѣлялись на двѣ статьи, или станицы, по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Такое раздѣленіе пѣвчихъ дѣяковъ опредѣлялось ихъ служеніемъ въ храмѣ, гдѣ издревле находились, какъ и доселѣ находятся, два мѣста для пѣвцовъ: правая, десная, страна или правый клиросъ, и лѣвая страна, или лѣвый клиросъ. На правомъ клиросѣ всегда помѣщалась первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ, а лѣвый клиросъ занимала всегда вторая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дѣяковъ. Поэтому въ лѣтописяхъ первая станица пѣвчихъ дѣяковъ называется большою станицею и пѣв-

чими праваго клироса; вторая-же станица тѣхъ-же дьяковъ именуется другою станицею, или, иначе, пѣвчими лѣваго клироса. При Патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ первую станицу пѣвчихъ дьяковъ составляли, т. е. на правомъ клиросѣ становились—Андрей Кузьминъ, Иванъ Никитинъ, Димитрій Фалалеевъ и Богданъ Ивановъ, а ко второй станицѣ принадлежали, или становились на лѣвомъ клиросѣ, Даніиль Ивановъ, Савинъ Михайловъ, Леонтій Михайловъ и Титъ Іосифовъ.

Патріаршіе пѣвчіе поддіаки раздѣлялись на шесть станицъ, также большею частію по пяти человѣкъ въ каждой станицѣ. Нерѣдко къ нимъ присоединялась еще седьмая станица, состоявшая изъ новоприбылыхъ малыхъ поддіаковъ. Изъ этихъ станицъ первая и вторая станицы поддіаковъ назывались большими станицами, а третья и четвертая—меньшими станицами. Въ исходѣ же XVII в. только одна первая станица Патріаршихъ пѣвчихъ поддіаковъ называлась большею; прочія же шесть станицъ извѣстны были подъ именемъ рядовыхъ.

Всѣ пѣвчіе дьяки и поддіаки, по возрасту своему, раздѣлялись на большіхъ или возрастныхъ, и малыхъ или недоростковъ. Возрастнымъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ невозбранно дозволялось вступать въ бракъ и проводить семейную жизнь. Новоприбыльные малые поддіаки всегда помѣщались въ шестую и седьмую станицы, отчего седьмая станица Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ была иногда менѣе, а иногда болѣе пяти человѣкъ, и считалась какъ-бы добавочною.

Въ Патріаршіе пѣвцы, безъ сомнѣнія, поступали преимущественно такія лица, которыя обладали естественнымъ, сильнымъ и чистымъ, голосомъ, къ какой бы области онъ ни принадлежалъ. Но естественное дарованіе и въ то время, какъ нынѣ, имѣло въ пѣвцѣ второстепенное значеніе. Достоинство пѣвца главнымъ образомъ опредѣлялось знаніемъ того, что, когда и какъ, надлежало пѣть или исполнять. Патріарховы пѣвчіе діаки и поддіаки въ совершенствѣ знали самый употребительный и старыи въ русской церкви знаменныи или столповый распѣвъ, а также большое и малое демественное пѣніе, или просто демество. Кроме того Патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ извѣстно было пѣніе трехстрочное, а со второй половины XVII вѣка—греческій, большій и малый, распѣвъ. Въ 1667 г. 7-го марта въ субботу пятую святыхъ постовъ, при торжествѣ въ похвалу Пресвятыя Богородицы «пѣвчіе діаки Патріарши пѣли на обѣихъ клиросѣхъ Взбранной воеводѣ троестрочную, а по второй каѳизмѣ и по третьей пѣсни и по шестой пѣли греческую меньшую, а послѣднюю самую пѣли на сходѣ обѣ станицы—большую греческую. ¹⁾

Прямая обязанность Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ состояла въ исполненіи церковнаго пѣнія при служеніи Патріаршемъ, за исключеніемъ однакоже Московскаго большаго Успенскаго Собора. Здѣсь пѣніе издавна исполнялось мѣстными священниками и діаконами. Поэтому при служеніи Патріарха въ семъ соборѣ пѣніе исполнялось то исключительно Патріаршими пѣвчими діаками и поддіаками, то

¹⁾ Доп. къ V Т. А. И. Выходы Патріаршіе № 26.

совокупно и попеременно съ соборными священниками, то единственно одними соборными священниками. Въ 1685 г., въ недѣлю мясопустную, Патріархъ указалъ пѣти всенощную службу священникамъ, а на пѣвцевъ гнѣвъ былъ за то, что не поспѣли къ началу службы. Иногда Патріаршіе пѣвчіе исполняли церковное пѣніе совокупно съ священниками и въ другихъ храмахъ. Въ 1666 г. февраля 11-го, «Патріархъ слушалъ литургію у себя на дворѣ, у Трехъ Святителей, и всѣ власти, а пѣли знаменное на одномъ крылосѣ священникъ тое церкви со иными, а на лѣвомъ Патріарховы пѣвчіе поддіаки».

Кромѣ того Патріаршіе пѣвчіе принимали постоянное участіе въ пѣніи во время крестныхъ ходовъ, при торжествѣ новолѣтія, при погребеніи лицъ царскаго дома, при совершеніи торжественныхъ паннихидъ и пр. Они также нерѣдко ходили за Патріархомъ на богомолье. Патріаршій пѣвчій дьякъ Ѳеодоръ Константиновъ подъ 1667 г. записалъ, что «апрѣля въ 20-й день Вселенскіе Патріархи Паисій Александрійскій, Макарій Антиохійскій ходили къ живоначальной Троицы въ Сергіевъ монастырь молиться; властей съ ними были Газскій Митрополитъ Паисій да Грузинскій Митрополитъ, и иніи ихъ Архимандриты и Игумены, да чудовской Архимандритъ Іоакимъ, да Всемиловитаго Спаса Новаго монастыря Архимандритъ Іосифъ, да пѣвчихъ діаковъ Патріарховыхъ станица лѣвой клиросъ, да поддіаконъ съ поддіаки съ девятью человѣкъ, всѣхъ было четырнадцать человѣкъ». ¹⁾ Въ 1666 г., когда оба вселенскіе Патріархи ходили въ Звенигородъ, въ Саввинъ монастырь, съ ними отпущены были лѣвый клиросъ Патріаршихъ пѣвчихъ, да поддіаковъ большая и меньшая станица. ²⁾ Нерѣдко Патріаршіе пѣвчіе діаки пѣли при столѣ, во дворѣ царя и при домѣ самаго Патріарха. Въ 1666 г. въ столѣ у царя пѣли стихъ пѣвчіе государевы первая станица: Ты царю сый и пребываяй во вѣки, а потомъ пѣли Патріарховы пѣвчіе діаки и поддіаки вмѣстѣ, прежде сѣдалень Рождеству пречистыя Богородицы: возопій Давиде, да потомъ канонъ Пасцѣ весь пропѣли. ³⁾

При отправленіи своей прямой обязанности въ храмъ, при служеніи Патріаршемъ, пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха постоянно облачались въ стихари то золотые, то серебряные бѣлые, то черные, смотря по степени и значенію духовнаго торжества. При поставленіи царя Ѳеодора Алексѣевича на царство (1676), Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки были въ золотыхъ стихаряхъ. Стихари надѣвали даже и малые пѣвчіе поддіаки, какъ это обыкновенно бывало въ недѣлю цвѣтоносія, когда малые пѣвчіе стояли въ саняхъ при украшенной вербѣ и пѣли стихиры. Церковное облаченіе Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ было столь обыкновеннымъ явленіемъ, что сохранившіяся современныя записи упоминаютъ о пѣніи безъ облаченія, какъ о явленіи необычномъ. Такъ напр. было въ 1686 и 1695 годахъ.

¹⁾ Доп. къ V Т. А. И. стр. 125.

²⁾ Доп. къ А. И. Т. V Выходы Патріаршіе стр. 119.

³⁾ Доп. къ А. И. Т. V Выходы Патріаршіе стр. 113 и 123.

Въ обыкновенное-же, неслужебное, время, одежда Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ нисколько не отличались отъ одежды современныхъ діаконовъ. Она состояла изъ рясы и подрясника, перетянутого поясомъ. Все это было суконное. Патріаршіе пѣвчіе діаки получали сукна или отъ царя, или отъ русскихъ епископовъ. Царскія сукна назывались у пѣвчихъ діаковъ причастными, когда выдавались по случаю причащенія царя и царицы, милостинными, когда выдавались въ награду или поощреніе, и при особенныхъ церковныхъ торжествахъ, на которыхъ присутствовалъ царь. Сукна царскія, разныхъ цвѣтовъ, выдавались по опредѣленной мѣрѣ, смотря по лицу, для котораго назначались. Большею мѣрою сукна служило портище, т. е. четыре аршина безъ четверти. Въ расходной книгѣ 1613 г. по случаю «пещнаго дѣйства», подъ 21 декабря, записано: «дано тремъ отрокамъ за пещное дѣйство по три аршина сукна настрафилю вишневаго, по 17 алтынъ 2 деньги за аршинъ. Да пѣвчому діаку Григорью Андрееву за пещное ученье три съ половиною аршина сукна свѣтлозеленаго настрафилю, цѣна 2 рубли портище; да пѣвчимъ-же діакамъ четверемъ человѣкамъ за пещное дѣйство четыре портища сукна настрафилю-же. Въ томъ числѣ одно портище аглинскаго сукна вишневаго цвѣта цѣною два рубли, шесть алтынъ, четыре свѣтлозеленаго настрафиль цѣна два рубли, и два портища лазоревыхъ тоже цѣною два рубли каждая. Да двумъ человѣкамъ халдѣямъ Степану да Савѣ лазореваго-же настрафилю по портищу цѣною два рубли, четыре алтына, двѣ деньги». ¹⁾ Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки получали сукна отъ русскихъ епископовъ, во время поставленія ихъ въ санъ епископскій. Поставленіе въ епископа при Патріархахъ всероссійскихъ всегда совершалось въ храмѣ Успенія, или, какъ нынѣ принято называть, въ Московскомъ большомъ Успенскомъ Соборѣ. При этомъ новопоставляемый, по существовавшему тогда обычаю, для большаго благолѣпія и торжества въ священнослуженіи, обкладывалъ сукномъ нѣкоторыя мѣста въ Соборѣ. Это-то сукно и оставалось въ пользу Патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Всѣ эти сукна, кажется, вполне обеспечивали годовое содержаніе пѣвчихъ діаковъ одеждою: поэтому нерѣдко можно встрѣтить просьбу Патріарховыхъ пѣвчихъ діаковъ къ царю о томъ, чтобы онъ вмѣсто суконъ, обычнаго дара въ извѣстныхъ случаяхъ, приказалъ выдать наличныя деньги. Эта просьба всегда удовлетворялась.

Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки имѣли постоянное пребываніе въ слободахъ Патріаршихъ, на землѣ, принадлежавшей въ Москвѣ Патріаршему дому. Въ половинѣ XVII вѣка велѣно было у Патріарха слободы взяти совсѣмъ (Улож. гл. 19. ст. 1.). Но Патріаршіе пѣвчіе діаки и поддіаки не остались безъ приюта. Около 1670 г. Патріархъ купилъ землю для пѣвческихъ дворовъ у князя Голицына. Эта земля находилась въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, въ смежности съ землями Бого-явленскаго монастыря, Новгородскаго Митрополита и Троицкаго Сергіева монастыря. На этой землѣ пѣвчіе діаки и поддіаки Патріарха построили свои, вѣроятно, деревянные дворы. Въ 1684 году помѣщеніе пѣвчихъ оказалось тѣснымъ, и потому Пат-

¹⁾ Кн. расх. 121 г. М. О. П. № 717.

ріархъ указалъ къ пѣвческой землѣ прирѣзать отъ сосѣдней огородной земли Троицкаго монастыря въ длину полторы сажени, а въ ширину 18 сажень съ полусаженью. Черезъ шесть лѣтъ потомъ, Патріархъ Іоакимъ рѣшился замѣнить деревянное жилище пѣвчихъ каменнымъ строеніемъ и указалъ подъ жилье пѣвчихъ вновь прирѣзать отъ огородной земли Троицкаго монастыря въ длину три сажени одинъ аршинъ, а въ ширину 18 сажень съ полусаженью. Отчужденіе огородной земли Троицкаго монастыря совершилось по мѣновому акту. Въ грамотѣ Патріарха, писанной къ властямъ Троицкаго монастыря въ 1690 г., говорилось: «въ прошломъ 191 г. (1684 г.) по нашему указу взято въ домъ Пресвятыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и намъ Патріархамъ, на Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, подъ дворы нашихъ домовыхъ пѣвчихъ, діаковъ и поддіаковъ, Троицкаго Сергіева монастыря подворья огородной земли, отъ Митрополичья Новгородскаго подворья, подлѣ нашей домовой пѣвческой земли до улицы, что позади Божоявленскаго монастыря, изъ длинника полторы сажени, а изъ поперечника восемнадцать сажень съ полусаженью. А въ нынѣшнемъ 197 г. Октября въ 20 день, по нашему-же Святѣйшаго Патріарха указу, а съ вами властями по договору, пристойлось принять подъ дворовое каменное строеніе ихъ, домовыхъ нашихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ, того-же Троицкаго подворья огородной же земли къ прежней смежной изъ длинника три сажени одинъ аршина, а изъ поперечника противъ прежняго 18 сажень съ полусаженью; обоего и съ прежнимъ изъ длинника пять сажень безъ четверти аршина, а изъ поперечника 18 сажень съ полусаженью. А вмѣсто той огородной Троицкаго подворья земли, прежней и нынѣшней, дать въ домъ Живоначальныя Троицы наши Святѣйшаго Патріарха церковные пустовые земли, которыя пустѣютъ изъ давнихъ лѣтъ въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ вынебожскомъ стану, въ вотчинныхъ земляхъ Троицкаго-же Сергіева монастыря церковную землю Николая Чудотворца, что было село Желтиково, да церковную-же землю Николая Чудотворца, что было село Лазарево съ пашнею и съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угоды. А по писцовымъ книгамъ 135 и 136 годовъ въ тѣхъ церковныхъ земляхъ пашни и перелѣсу и лѣсомъ поросли тридцать пять четей въ полѣ, а въ дву потому-жь, — сѣна двадцать пять копенъ; и на тѣ наши вышеписанные церковные земли впредь для вотчиннаго владѣнія дать въ домъ Живоначальныя Троицы мѣновную за нашею домовою казенною печатію и за руками казначеевъ нашихъ, а Троицкаго подворья на огородную вышеписанную, прежнюю и нынѣшнюю, землю взять въ домовую нашу казну противъ того-жь мѣновную за вашими руками. И какъ къ вамъ сія наша Святѣйшаго Патріарха грамота придетъ, и вы бы, противъ нашего указу и своего договору, Московскаго Китайскаго Троицкаго Подворья на прежнюю взятую и нынѣшнюю огородную землю, которая пристойлась подъ дворовое каменное строеніе къ домовой нашей пѣвческой землѣ, прислали къ Москвѣ мѣновную за своими руками не мотчавъ, а на наши домовые вышеписанные церковные земли мѣновную велѣли у нашихъ казначеевъ принять.»

Столъ Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ, по записямъ XVIII в., можно почитать, если не совершенно роскошнымъ, то покрайней мѣрѣ достаточно полнымъ. Всѣ сѣстные припасы для стола пѣвчихъ отпускались ежегодно съ житнаго пат-

ріаршаго двора. Зерновой хлѣбъ, соль, ¹⁾ рыбные припасы выдавались въ такомъ количествѣ, которое съ избыткомъ могло удовлетворять дневной потребности.

Выдача зерноваго хлѣба пѣвчимъ дякамъ и поддіакамъ (или иначе, годовое хлѣбное жалованье) производилась отдѣльно каждому пѣвчему дяку и поддіаку.

Она соразмѣрялась съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій дякъ или поддіакъ. Каждый пѣвчій дякъ первой станицы получалъ вдвое болѣе зерноваго хлѣба, чѣмъ пѣвчій поддіакъ первой станицы; точно также пѣвчему дяку второй станицы отпускалось вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ пѣвчему поддіаку второй же станицы. Количество зерноваго хлѣба, выдаваемого пѣвчимъ поддіакамъ 1-й и 2-й станицы, въ свою очередь было вдвое болѣе количества того же хлѣба, выдаваемого пѣвчимъ поддіакамъ 5-й и 6-й станицы. Вотъ болѣе подробный счетъ:

				О д н о м у			
				Р ж и		О в с а	
				четвер- тей	четвери- ковъ.	четвер- тей.	четвери- ковъ.
Пѣвчимъ	діакамъ	первой	станіцы	17	2	17	2
—	—	второй	—	14	—	14	—
—	поддіакамъ	первой	—	8	2	8	2
—	—	второй	—	7	—	7	—
—	—	третьей	—	5	4	5	4
—	—	четвертой	—	5	—	5	—
—	—	пятой	—	4	1	4	1
—	—	шестой	—	3	4	3	4
—	—	седьмой	—	3	—	3	—

Если принять во вниманіе полное число Патріаршихъ пѣвчихъ діаконъ и поддіаконъ: то окажется, что съ Патріаршаго житнаго двора выдавалось имъ ежегодно до 400 четвертей ржи и столько же четвертей овса.

Въ мясоистіе Патріаршіе пѣвчіе дяки и поддіаки получали деньги на свиное мясо. Въ поденной обиходной книгѣ 1700 г. значится, что за годовое свиное мясо выдано изъ Патріаршей казны всѣмъ пѣвчимъ дякамъ и поддіакамъ 90 р. 26 к. Въ посты, строго соблюдавшіеся предками нашими, пѣвчимъ Патріаршимъ выдавалось немалое количество рыбныхъ припасовъ. Эти припасы состояли изъ осетрины, семги, бѣлуги и икры. Выдача сихъ припасовъ, по количеству своему, сообразовалась не только съ значеніемъ станицы, къ которой принадлежалъ пѣвчій дякъ, но и съ различіемъ семейныхъ обстоятельствъ. Женатые пѣвчіе дяки получали болѣе припасовъ, чѣмъ холостые. Въ 1700 г. было выдано тридцати семи женатымъ пѣвчимъ

¹⁾ Соль выдавалась патріаршимъ пѣвчимъ дякамъ и поддіакамъ дважды въ годъ, въ посты — великій и Успенскій. Каждый семейный пѣвчій дякъ и поддіакъ получалъ въ это время по два съ половиною пуда соли, а каждый холостой — по два пуда. Въ 1700 г. всѣмъ пѣвчимъ діакамъ и поддіакамъ выдано было отъ патріарха сто двадцать пудовъ соли.

дьякамъ и поддіакамъ, каждому, на филиповъ и петровъ посты — два осетра, и двѣ семги, икры армянской 10 фунтовъ; къ сырной недѣлѣ — по бѣлугѣ и семгѣ и 6 ф. икры. Холостые же пѣвчіе дьяки, въ числѣ 10-ти человекъ, получили въ тоже время на филиповъ постъ — по полуосетру, и по семгѣ и по 4 фунта икры; на петровъ постъ — по цѣлому осетру и по семгѣ; и, наконецъ, къ сырной недѣлѣ — по полубѣлугѣ, по семгѣ и по 4 ф. икры.

Вся эта пища находилась на обыкновенномъ, будничномъ, столѣ Патриаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ. Въ праздники являлись на столѣ ихъ болѣе разнообразныя яства, отпускавшіяся также съ Патриаршаго двора. Въ воскресные и праздничные дни, а также въ государскіе Ангелы, столъ Патриаршихъ пѣвцовъ состоялъ изъ нѣсколькихъ блюдъ, по десяти нарядовъ въ блюдо. Въ эти дни съ Патриаршаго двора отпускалось пѣвцамъ «по два хлѣба съ половиною, по десяти пироговъ, по колачу хомутиному въ блюдо, икры армянской пять фунтовъ, визиги пять пучковъ въ нарядъ, щукъ десять колодокъ, ухи и варенчугу и штей съ снѣтками по десяти нарядовъ, — звень бѣлужьихъ одинъ пудъ восемь фунтовъ, семги, двѣнадцать фунтовъ съ половиною, и рыба паровая. Кромѣ того, въ господніе праздники поставлялись прибавочныя блюда изъ полтора пуда осетрины, десяти кружковъ тельнаго и десяти блюдъ пряженыхъ пироговъ». При яствахъ во всѣ воскресные и праздничные дни, и въ государскіе Ангелы выдавалось еще, съ расхожева погреба по кружкѣ пива и по кружкѣ меду на cadaго пѣвчаго дьяка и поддіака.

Патриаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки нерѣдко также имѣли особый столъ у Царя и Патриарха, наравнѣ съ прочими духовными властями. Эти обѣды почитались торжественными. Къ Патриаршему столу для пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ до 1690 г. отпускалось съ такаго погреба «по ведру меду краснаго, да по ведру меду бѣлаго». При Патриархѣ Іоакимѣ стали выдавать еще вино церковное «по ведерному оловенику». Въ послѣдствіи дача питей усилена прибавкою пива простаго по ведерному же оловенику. — По случаю молебновъ и панихидъ Патриаршимъ пѣвчимъ раздавали пѣтья на расхожемъ Патриаршемъ погребѣ.

Почти вполнѣ обеспеченное положеніе Патриаршихъ пѣвцовъ въ одеждѣ, домѣ и пищѣ, значительно улучшалось денежными средствами. Эти средства получались изъ разныхъ источниковъ, постоянныхъ и измѣняющихся.

Единственнымъ постояннымъ источникомъ денежныхъ пѣвческихъ средствъ служила Патриаршая казна, производившая Патриаршимъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ годовое жалованье. Оно, если судить по современной стоимости монеты, было не мало. Въ 1626 и 1627 годахъ Патриаршая казна выдала 168 р. 5 к. на 29-ть человекъ, а въ 1698 г. — 306 р. 50 к. на 50 человекъ. Пѣвчіе дьяки и поддіаки получали неодинаковое жалованье: дьяки — большее, поддіаки, — меньшее. Притомъ пѣвчіе дьяки первой станицы получали большее жалованье, чѣмъ пѣвчіе же дьяки второй станицы. Точно такая же постепенность въ распредѣленіи годоваго жалованья соблюдалась и между Патриаршими пѣвчими поддіаками: большее годовое жалованье выдавалась пѣвчимъ поддіакамъ первой станицы, и самое малое — пѣвчимъ поддіакамъ послѣдней, седьмой, станицы. Все различіе въ денежномъ жалованьѣ каждой станицы

яснѣе можно видѣть изъ таблицы 1710 г., утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ. Въ этой таблицѣ годовое жалованье между пѣвчими дьяками и поддѣаками распределено почти также, какъ оно выдавалось имъ при самихъ Патріархахъ.

	число лицъ	г о д о в о е ж а л о в а н ь е			
		о д н о м у		в с ѣ м ѣ	
		р	к.	р.	к.
Пѣвчимъ дьякамъ 1-й станицы	5	12	50	62	50
2-й станицы	5	10	50	52	50
Пѣвчимъ поддѣакамъ 1-й станицы	1	10	—	10	—
—	2	7	—	14	—
—	2	6	50	13	—
2-й станицы	1	7	50	7	50
—	4	5	50	22	—
3-й станицы	5	5	—	25	—
4-й станицы	5	4	—	20	—
5-й станицы	5	3	—	15	—
6-й станицы	5	3	—	15	—
Итого	40	—	—	256	50

Неодинаковое распределение годового жалованья между станицами Патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддѣаковъ побуждало пѣвцовъ низшихъ станицъ поступать въ станицы высшія, на окладъ большій. Оно же, въ управленіи Патріаршаго дома, служило довольно удобнымъ средствомъ награждать пѣвчихъ исправныхъ и наказывать нерадивыхъ и непокорныхъ.

Второстепенные, измѣняющіеся, источники пѣвческихъ доходовъ оказывались источниками болѣе существенными. Они замѣчательны по своему разнообразію. Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддѣаки получали деньги славленія, служебныя, пошлинныя, милостынныя или наградныя.

Въ праздникъ Рождества Христова Патріархъ, во время благовѣста къ Литургіи, ходилъ славить Христа въ хоромы Царя. «Пѣвчіе въ стихаряхъ идучи пѣли стихиры празднику, и пришедъ въ хоромы пѣвчіе пѣли: Рождество твое, Христе Боже нашъ, и, слава нынѣ, Дѣва днесъ, потомъ—Господи помилуй, трижды, Владыко благослови. Патріархъ говорилъ отпустъ и потомъ пѣвчіе пѣли многолѣтіе благовѣрнымъ царямъ». Царь всегда приказывалъ выдавать славленное. Пѣвчіе славили Христа въ домѣ Патріарха и Патріархъ также имѣлъ обычай выдавать славленное изъ своей домовою казны. Въ 1627 г. Патріархъ жаловалъ на всѣхъ пѣвчихъ дьяковъ и поддѣаковъ пять рублей десять копѣекъ, а въ 1698 г. Патріархъ Адрианъ давалъ славленого десять рублей, безъ пятака. Безъ сомнѣнія славленное пѣвчихъ дьяковъ и поддѣаковъ неограничивалось хоромами царя и домомъ Патріарха, а совершалось и по другимъ мѣстамъ въ Москвѣ. Отсюду собиралось славленное въ неопредѣленномъ, болѣе или менѣе значительномъ, количествѣ, смотря по значенію и щедрости принимавшаго пѣвчихъ съ славленнымъ.

Къ тому же празднику Рождества Христова, «по указу великихъ Государей и по благословенію святѣйшихъ Патріарховъ», русскіе архипастыри ежегодно присылали въ Москву съ иконы и сосвѣтими, водами, а изъ монастырей архимандриты, игумены, строители, и келары, и казначеи, со иконы и со святою водою въ пріѣздѣ сами бывали. Всѣ эти лица славленныя деньги дьякомъ пѣвчимъ и поддіакомъ платили по вся годы. Больше число славленнаго присылали Митрополиты Новгородскій и Казанскій ¹⁾. Но въ 1690 г. «по указу великихъ Государей и святѣйшаго Патріарха» присылка отъ архіереевъ и пріѣздъ начальниковъ монастырей въ Москву къ празднику Рождества Христова прекратились. «Того ради Патріарховымъ дьякамъ пѣвчимъ и поддіакамъ учинилась скудость». Поэтому случаю Патріархъ Іоакимъ установилъ роспись славленнымъ рождественскимъ деньгамъ, и повелѣлъ «изъ Патріаршаго казеннаго приказу 1) послать къ архіереомъ грамоты, велѣть имъ деньги по росписи изъ ихъ архіерейскіе домовые казны и съ монастырей своея епархіи собрать и присылать къ Москвѣ ежегодно непременно на 198 годъ и впредь по вся годы, не мотчавъ, декабря къ двадцать пятому числу; 2) а святѣйшаго Патріарха Епархіи въ города послать грамоты къ закащикамъ и велѣть имъ съ монастырей собрать и присылать къ Москвѣ съ старостами поповскими потомужъ». По этой росписи всѣ архіерейскія каѳедры и монастыри раздѣлены были на 11-ть категорій. Самый большій взносъ славленныхъ денегъ, 15 р., назначенъ былъ съ Троицкаго Сергіева Монастыря. За тѣмъ ежегодно должны доставлять славленаго —

Семь рублей—Митрополиты: Новгородскій, Казанскій, Сибирскій, Ростовскій, Рязанскій, монастыри: Ипатьевскій Костромской, — Кирилловъ Бѣлозерскій и Спасскій Ярославскій.

Пять рублей — Митрополиты: Крутицкій, Нижегородскій, Бѣлгородскій, Суздальскій, Вологодскій Архіепископъ и монастыри: московскій Чудовъ, Новоспасскій, Симоновъ, Богородицкій Свіажскій; Спасскій Евѣиміевъ Суздальскій, и Псково - Печерскій.

Четыре рубля—Митрополиты: Псковскій и Смоленскій; Архіепископы: Тверскій, Коломенскій, Вятскій; монастыри: Савинъ-Сторожевскій, Воскресенскій, Ивер-

¹⁾ Именно:

	Новгородскій Митрополитъ		Казанскій Митрополитъ	
	р.	к.	р.	к.
Пѣвчимъ дьякамъ 1-й станицы. . . .	1	80	1	70
2-й станицы	1	50	1	40
Пѣвчимъ поддіакамъ 1-й станицы. . .	1	20	1	10
2-й станицы	1	10	1	—
3-й —	1	—	—	90
4-й —	—	90	—	80
5-й —	—	80	—	70
6-й —	—	70	—	60
	9	—	8	20

скій-Новгородскій, Печерскій Новгородскій, Богоявленскій-Костромскій, Пафнугіевъ-Боровскій, Соловецкій, Покровскій дѣвичій Суздальскій.

Три рубля съ половиною—Новгородскіе монастыри: Юрьевъ и Хутынскій.

Три рубля—Астраханскій Митрополитъ; Архіепископы Холмогорскій и Устюжскій; монастыри: Владимірскій-Рождественскій; Преображенскій Казанскій; Іосифовъ Волоколамскій; Макарьевъ Желтоводскій; Тихвинъ Новгородскій; Калязинъ Кашинскій; и Московскіе дѣвичьи Вознесенскій и Новодѣвичій.

Два рубля съ половиною — Епископы Тамбовскій и Воронежскій; монастыри: Горицкій Переяславскій; Каменный Вологодскій; Николаевскій Пѣшношскій.

Два рубля — Монастыри: Макарьевскій Унженскій, Прилуцкій Вологодскій, Троицкій Астраханскій, Антоніевъ Николаевскій, Бѣжецкаго верху, Крестный, Антоніевъ Сійскій и Рязанскіе — Спасскій, Солотченскій и Богословскій.

Полтора рубля—Монастыри—Московскіе: Андроніевъ, Петровскій, Николаевскій-Угрѣшскій; Новгородскіе: Антоніевъ, Вяжицкій и Александро-Свирскій, Вологодскіе: Павловъ и Корнильевъ; Переславскій Даниловъ.

Одинъ рубль — Монастыри Московскіе: Донскій, Даниловъ, Златоустовскій, Богоявленскій, Знаменскій, Новинскій, Высоцкій-Серпуховъ, Лужецкій Можайскій, Возмицкій Волоколамскій, Борисоглѣбскій Дмитровскій; Ростовскіе Богоявленскій и Борисоглѣбскій; Отрочь-Тверской; Духовъ Новгородскій; Переславскій Никитскій; Глушицкій Вологодскій и Терапонтовъ Бѣлозерскій.

Полтину—Воздвиженскій Московскій на Арбатѣ, и Колоцкій Можайскій.

Росписи славенныхъ денегъ, за собственноручною подписью Патріарха Іоакима, доселѣ хранятся въ Московской Синодальной (Патріаршей) Библиотекѣ. Современники остались довольны росписаніемъ славенныхъ денегъ. Патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки оставались довольны потому, что изсякшій источникъ денежныхъ доходовъ открывался для нихъ снова. Плательщики славенныхъ денегъ не могли не утѣшаться уменьшеніемъ ихъ въ росписи Патріарха. Такъ напр. Новгородскій Митрополитъ ежегодно платилъ славленаго добровольно вмѣстѣ съ ѹподіаконами одинадцать рублей, а по росписанію Патріарха обязывался представлять впередъ всего только семь рублей. О Кіевскомъ же Митрополитѣ Патріархъ замѣтилъ по сему случаю, что «когда будетъ на Москвѣ, тогда и дачю учинить за честь свою» и потому не разрѣшалъ посылать къ нему грамоты о славенныхъ деньгахъ. Такимъ образомъ въ 1690 г. съ 21 архіерейскаго дома и 69 Патріаршей области и степенныхъ монастырей собрано было славленаго для пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ 278 рублей.

Собранныя славенныя деньги поступали въ раздѣлъ пѣвчимъ дьякимъ и поддіакамъ. Патріархъ Іоакимъ предписывалъ «дьякомъ пѣвчимъ двумъ станицамъ брать по рублю на станицу,—подьякамъ первой и второй станицѣ — по рублю же на станицу, — подьякомъ же третьей и четвертой станицѣ по тридцати алтынѣ на станицу,—подьякомъ же пятой и шестой станицѣ по двадцати пяти алтынѣ, по четыре денги на станицу».

Съ прекращеніемъ Патріаршества, этотъ источникъ пѣвческихъ доходовъ прекратился не вдругъ. Росписаніе славенныхъ денегъ «имяннымъ блаженныя и вѣчной

славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго 1703 г. 14 марта указомъ было утверждено и повелѣно имъ тѣ славленыя деньги отъ архіереевъ и монастырей давать по прежнему».

Другимъ источникомъ денежныхъ доходовъ для патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ служило пѣніе въ храмахъ, куда по особенному случаю приглашали самага патріарха на служеніе. Пѣвчіе дьяки и поддіаки получали при этомъ за свое пѣніе особыя деньги. Это—деньги, такъ называемыя, служебныя. За отправленіе каждой панихиды по преставившихся государяхъ царяхъ, царицахъ и всей высочайшей ихъ фамиліи изъ дворцовой канцеляріи постоянно выдавалось патріаршимъ пѣвчимъ по 1 р. 80 к. ²⁾ Плата отъ другихъ мѣстъ и лицъ за пѣніе патріаршихъ діаковъ и поддіаковъ была условна и зависѣла болѣе всего отъ щедрости производившаго ее. Впрочемъ при совершеніи погребенія производилась пѣвцамъ опредѣленная плата. Эта плата имѣла три статьи или различія. Она была или большая, когда деньги за пѣніе выдавались по большей статьѣ, или средняя, когда деньги за пѣніе платились по средней статьѣ, или малая, когда деньги за пѣніе выдавались по меньшей статьѣ. При платѣ по большой статьѣ слѣдовало давать каждому пѣвчому дьяку большей станицы—два рубля, а другой станицы—полтора рубля; поддіакамъ большой станицы одинъ рубль, второй станицы—девяносто копѣекъ третьей—восемдесятъ копѣекъ, четвертой—семдесятъ копѣекъ, пятой—шестдесятъ копѣекъ, шестой—пятдесятъ копѣекъ, и двумъ станицамъ новоприбылымъ малымъ подъякамъ десяти человѣкамъ по сорока копѣекъ человѣку. ¹⁾ Такимъ образомъ за пѣніе патріаршихъ пѣвцовъ плата по большой статьѣ, въ общей сложности, простиралась до 44 р. Не приводимъ далѣе платы за пѣніе по средней и малой статьямъ. Эти платы—нѣсколько менѣе платы по большой статьѣ. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что вся совокупность служебныхъ денегъ, получавшихся патріаршими пѣвчими, должна представлять довольно значительную годовую цифру.

Пошлинныя деньги собирались патріаршими пѣвчими діаками и поддіаками изъ двухъ источниковъ: съ московскихъ приходскихъ церквей и съ ставленниковъ.

Сборъ денегъ съ приходскихъ московскихъ церквей былъ, сравнительно, очень незначителенъ. На содержаніе патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ отдѣлено было только два сорока московскихъ церквей. Каждая церковь платила ежегодно по пятидесяти копѣекъ, и слѣдовательно пѣвчими и подъяками «въ роздѣль здву сороковъ збиралось» всего въ годъ тридцать рублей пятьдесятъ копѣекъ.

Гораздо значительнѣе былъ сборъ ставленническихъ пошлинъ. Патріархъ имѣлъ въ своемъ іерархическомъ вѣдѣніи особую область, точно также, какъ и всякій русскій епископъ имѣлъ свою отдѣльную епархію. Область исключительно патріаршаго управленія не составляла какую либо опредѣленную мѣстность; эта область была разсѣяна по всей тогдашней Россіи. Храмы и приходы, принадлежавшіе къ патріар-

²⁾ Выдача этихъ денегъ прекратилась въ 1750 г.

¹⁾ А. И. Т. V. № 296.

шей области, почитались лучшими мѣстами. Кто желалъ занять одно изъ такихъ мѣстъ, обыкновенно обращался съ просьбою къ самому Патріарху. Такъ начинались дѣла, производствомъ которыхъ преимущественно занимались патріаршіе вподіаконы, а также пѣвчіе діаки и поддіаки. Эти лица, вѣроятно, не получали отъ патріарха никакой платы за свой писменный трудъ. По этому до 1675 года каждый искатель мѣста въ патріаршей области, или иначе ставленникъ, долженъ былъ давать дѣлопроизводителямъ условныя, болѣе или менѣе значительныя, суммы. Но условія не всегда выходили обоюдно выгодны; нерѣдко даже представлялось затрудненіе достигнуть удовлетворительнаго взаимнаго соглашенія между просителемъ и дѣлопроизводителемъ; отчего происходило немало волокитъ и убытковъ. Патріархъ Іоакимъ, въ предотвращеніе многихъ затрудненій, установилъ опредѣленную плату со всѣхъ ставленниковъ. По сему установленію, каждый ставленникъ обязанъ былъ выдавать «пѣвчимъ дьякомъ праваго клироса десять копѣекъ и столькоже пѣвчимъ дьякамъ лѣваго клироса; пѣвчому дьяку Θεодору Константинову за подъяческое ученіе три копейки; подъякамъ первой, второй и третьей станицѣ по девяти копѣекъ на станицу, а четвертой, пятой и шестой станицѣ по пяти копѣекъ на станицу.»¹ По сему разчисленію, каждый ставленникъ платилъ патріаршимъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ до шестидесяти копѣекъ пошлины. Въ послѣдствіи эти пошлины нѣсколько возвысились. Поставляемый въ діакона платилъ пѣвчимъ дьякамъ пятьдесятъ четыре копѣйки, а поставляемый во священника—девятью одну копѣйку. Акты, относящіеся къ началу Синодальнаго управленія, справедливо находили сборъ ставленническихъ пошлинъ немалымъ. Въ 1742 г. пѣвчими дьяками и поддіаками собрано ставленническихъ пошлинъ 788 р. 16 1/2 к.,— въ 1743 году — 632 р. 38 1/2 к.,— въ 1744 году—653 р. 72 к. Весь этотъ доходъ патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ совершенно прекратился въ 1751 году, потому что въ это время всѣ храмы бывшей патріаршей области были причислены къ тѣмъ епархіямъ, среди которыхъ находились. Патріаршія области, оставшіяся въ вѣдѣніи московской епархіи, также не доставляли никакихъ денегъ бывшему патріаршему хору, жившему еще въ Москвѣ въ полномъ составѣ. Причина такого обстоятельства заключалась въ томъ единственно, что въ московской епархіи въ то время были учреждены свои пѣвчіе.

Милостынные, или наградныя, деньги составляли также нерѣдкое явленіе въ жизни патріаршихъ пѣвчихъ діаковъ и поддіаковъ. Разныя радостныя и печальныя событія въ семействѣ царскомъ всегда почти сопровождались усердною милостынею. Въ 1649 году по случаю крещенія великаго князя Димитрія Алексѣевича, и въ 1650 году, по случаю крещенія великой княжны Евдокіи Алексѣевны, выдано было изъ дворцовой казны патріаршимъ пѣвчимъ діакамъ первой станицы — сорокъ рублей. Въ первой станицѣ патріарховыхъ дьяковъ числилось тогда пять человекъ: Богданъ Ивановъ, Θεодоръ Константиновъ, Иванъ Никитинъ, Иванъ Матвѣевъ, Иванъ Трофимовъ, Семень Михайловъ. Слѣд. каждый изъ

¹) А. И. Т. IV № 159.

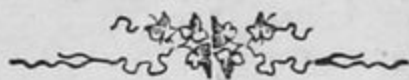
нихъ въ указанныя два года получили отъ царя десять рублей. Нерѣдко также патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки получали наградные деньги изъ суммъ домової казны патріарха. По кончинѣ патріарха Іосифа, царь Алексѣй Михайловичъ изъ суммы, оставшейся послѣ патріарха, собственноручно роздалъ каждому изъ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ по десяти рублевъ милостыни.

Такимъ образомъ хоръ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ, несмотря на свою значительную численность, во все время патріаршества, пользовался вполнѣ удовлетворительными средствами къ жизни.

Великое значеніе патріарха въ церкви Русской отражалось въ немалой степени и на самомъ хорѣ патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ и поддіаковъ. Патріаршіе пѣвцы всегда при исполненіи богослужебнаго пѣнія первенствовали предъ хорами пѣвчихъ великокняжескихъ, а тѣмъ болѣе предъ пѣвчими митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. При совмѣстномъ пѣніи этихъ хоровъ во храмѣ съ патріаршими пѣвцами, всегда патріаршіе пѣвчіе занимали правый клиросъ, а митрополичьи — лѣвый. Такъ было на память Алексѣя Митрополита, 20 мая 1687 г., въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Но независимо отъ іерархическихъ преимуществъ, самыя гражданскія права патріаршихъ пѣвцовъ были значительнѣе, чѣмъ прочихъ епархіальныхъ пѣвчихъ. Тогда какъ митрополичьи и прочіе епархіальные пѣвцы сравнивались вообще съ причетниками приходскихъ церквей, патріаршіе пѣвчіе дьяки имѣли права монастырскихъ казначеевъ, а поддіаки — права старцевъ всѣхъ монастырей. Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (гл. 10. ст. 95.) предписывалось: «а будетъ, кто нибудь, обезчеститъ патріаршихъ «и митрополичьихъ и архіепископскихъ и епископскихъ дьяковъ, или дѣтей боярскихъ, или иного чину домовыхъ людей, и на тѣхъ правити безчестіе. Патріаршимъ пѣвчимъ: 1-й станицѣ по семи рублевъ человѣку; 2-й станицѣ по пяти рублевъ человѣку. Поддьякомъ большихъ станицъ по пяти же рублевъ человѣку; а меньшихъ станицъ по три рубли человѣку».

Но и патріаршіе пѣвцы всегда уступали первенство государевымъ пѣвчимъ дьякамъ и поддіакамъ. Въ крестныхъ ходахъ и вообще въ торжественныхъ случаяхъ, когда соблюдается особый чередъ или постепенность, патріаршіе пѣвцы постоянно шли прежде пѣвчихъ государевыхъ. При погребеніи царевны Ирины Михайловны и царя Θεодора Алексѣевича, патріаршіе пѣвчіе дьяки и поддіаки шли предъ иконою, а государевы пѣвчіе дьяки и поддіаки шли и пѣли за патріархомъ передъ гробомъ. Когда богослужебное пѣніе въ храмѣ должны были исполнять и пѣвцы государевы, и пѣвцы патріаршіе: то государевы пѣвцы помѣщались на правомъ клиросѣ и предназначали пѣніе, а патріаршіе пѣвчіе дьяки занимали лѣвый клиросъ. Эти видимыя преимущества государева хора пѣвчихъ въ совокупности со многими другими обстоятельствами, подавали нерѣдко поводъ къ тому, что патріаршіе пѣвчіе почитали особеннымъ счастіемъ перейти въ хоръ государевыхъ пѣвцовъ. Нѣкоторымъ это удавалось. Патріаршіе пѣвчіе дьяки Θεодоръ Константиновъ и Богданъ Ивановъ въ 1652 году поступили въ государевы пѣвчіе дьяки.

Д. Разумовскій.

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ ВОДУ, КАКЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ БРАКА.

Земной бракъ перенесенъ древнимъ человѣкомъ на небо, приписанъ богамъ и послужилъ такимъ образомъ объясненіемъ извѣстныхъ отношеній между явленіями природы; въ свою очередь бракъ небесный сталъ объясненіемъ таинства земнаго брака. По Арійскому вѣрованію, довольно явственные слѣды коего сохранилась и у Славянъ, конечная причина людскаго брака и рожденія есть бракъ и рожденіе небесныхъ существъ, такъ какъ земная невѣста есть воплощеніе небесной, земной женихъ — воплощеніе божественнаго жениха (см. мое соч. О миѣ. зн. нѣкот. обр. и пов. стр. 225 слѣд.), зачатіе и рожденіе есть земное повтореніе небеснаго событія. Позднѣе уже отрицается тождество небеснаго брака съ земнымъ, и первый становится только освящающимъ первообразомъ послѣдняго. Такъ въ Ригведѣ хотя невѣста, бывшая по очереди собственностью нѣсколькихъ боговъ, еще повидимому тождественна съ богинею, но одинъ изъ боговъ (Гандхарва) передаетъ свои права на невѣсту жениху, изъ чего видно, что женихъ уже не есть самъ Гандхарва (Vöhtl. u. Röht WB.). Кажется и у Славянъ было вѣрованіе въ большую божественность невѣсты и вообще дѣвицы, чѣмъ мужчины, но по болѣе древнему представленію они въ этомъ отношеніи равны. Женихъ и невѣста оставляютъ свои небесныя жилища, чтобы воплотиться на землѣ. Путь на землю лежитъ имъ по небу; но небо есть море или рѣка ¹⁾ съ перекинутымъ черезъ нее мостомъ или и безъ него: поэтому женихъ и невѣста бредутъ или переѣзжаютъ черезъ рѣку, переходятъ черезъ мостъ, и т. п. Таковъ, если не ошибаюсь, первоначальный образъ, съ нѣкоторыми измѣненіями дожившій до нашего времени въ приводимыхъ ниже пѣсняхъ и повѣрьяхъ. Мифическое его оправданіе давно забыто, и онъ держится только силою косности, служа для наблюдателя однимъ изъ доказательствъ того, что многое въ современной народной поэзіи необъяснимо внѣшними условіями и особенностями быта.

¹⁾ См. въ концѣ статьи примѣчаніе 1-ое.

Одинъ изъ боговъ, по Индйскому миѳу, обладающихъ невѣстой до ея выхода замужъ, Агни, представляется соколомъ. Въ такомъ же образѣ представляется и земной женихъ въ слѣдующей, безъ сомнѣнія величальной пѣснѣ, въ которой и сравненіе невѣсты съ бурей имѣетъ миѳическое основаніе (О миѳ. зн. и пр. 203-4).

....Бурей Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
 Бурей Павловна всѣ темные лѣса.
 Крыла лѣса, крыла лѣса алымъ бархатомъ,
 Катилла она, катилла она золотымъ перстнѣмъ,
 Прикатилла, прикатилла по круту берегу,
 Кличеть она, кличеть она громкимъ голосомъ:
 «Есть ли здѣсь, есть ли здѣсь перевозчики,
 Кто бѣ перевезъ, кто бѣ перевезъ на ту сторону?»
 Что выговорить, что выговорить да Степанъ—сударь:
 «Я за тобой, Наталья-свѣтъ, я корабль пришлю,
 Я за тобой, свѣтъ Павловна, раззолоченый».
 —Не присылай, не присылай корабля за мной,
 Не присылай, не присылай раззолоченнаго:
 Корабль—судно качливое,
 А я дитя у батюшки пугливое.—
 «Я за тобой, Наталья свѣтъ, я коней пришлю,
 Я за тобой, свѣтъ Павловна, со боярами».
 —Не присылай, не присылай ты коней за мной,
 Не присылай, не присылай со боярами:
 Бояре-люди смѣшливые,
 Я-жъ дитя у матушки стыдливое.—
 «Я за собою, Наталья свѣтъ соколомъ прилечу,
 Я тебя свѣтъ Павловна подъ крыломъ унесу».

(Кохановской, Остатки боярскихъ пѣсенъ 141-г. Русс. Бес. 1860, II. Болѣе блѣдный вар. у Сах. Ск. Р. Н. I. свад. п. 115 — 20). Соколъ очень обыкновенный образъ жениха (Костом. Объ Ист. зн. Русс. нар. п. 75), при чемъ невѣста представляется или чело-вѣкообразно (Кар. Пјес. I, 61, 318, 319, 320) или другою птицею: галкою (Мет. 177, 178, 179), уткою (Сах. Ск. Р. Н. I свод. и. 138), голубкою (ib. 128), соколихою (Кар. ib. 46). Б. м. образъ, заключенный въ послѣднихъ двухъ стихахъ выше приведенной пѣсни (соколъ, уносящій подъ крыломъ дѣвицу), предполагаетъ другой, въ родѣ слѣдующаго:

Полетио соко тица сива
И он носи тицу ластавицу.
 То не био соко тица сива,
 Веће био светитель Илија!
 Он не носи тице ластовице,
 Веће книгу од Богородице (Кар. Пјес. II, 295).

Какъ съ одной стороны представленіе Громовника (Ильи) соколомъ—черта, принадлежащая глубочайшей древности, такъ съ другой кажется новымъ представленіе письма ласточкой. М. б. первоначально эта ласточка-невѣста Сокола.

Въ трехъ слѣдующихъ пѣсняхъ соколъ уже не есть женихъ; онъ только оказываетъ ему услугу, перенося для него невѣсту, или его самого съ невѣстой и свахами, черезъ рѣку.

Колядка (величанье) паробку.
 Ей въ полі, въ полі, въ чистейкімъ полі
 Тамъ же мі стоить зелений явіръ,
 На яворойці сивъ соколойко,
 Сиві соколойко віє гніздойко,
 Ей віє, віє, перевиває,
 Барвіничейкомъ го покладає,
 А въ середину кладе тисину,
 А завершує сухимъ золотомъ
 Тамтоди лежить давна стежейка,
 Стежейковъ іде молодой паничъ,
 Молодой паничъ на сивимъ коні,
 Еи мірять стрілять до сивъ сокола.
 «Не стрілай мене, молодой пане!
 Ой якъ ти підешъ за тихій Дунай,
 За тихій Дунай по красну панну,
 То я ей тобі перепроваджу,
 Перепроваджу и перенесу,
 Своіма хорти я пересвищу (?)
 Єі чижемки я не замочу (Голов. Пѣсни II, 60)
Сивъ сокілъ каже: «не стрілай мене,
 Не стрілай мене, не рубай мене!
 Коли ти будешъ ой женитися,
 Я тобі стану ой въ пригодоньці...
Тебе молодою самъ перепроводжу,
 Твою княгиню на крильці возьму,
 А твои гроші возьму на ноші (ib. 68)

Свадебная. Долеће сиви соколе,
 Долеће Петру на дворе;
 Излази Петро (женихъ) делија,
 Сокола стаде плашити.
 Говори сиви соколе:
 «Немој ме, Петро, плашити;
 Доћи ће бр'јеме— година,
 Мене ћеш, Петро, молити,

И стаће (преградятъ путь) воде Дунави
 И друга бистра језера,
 Онда ћеш мене молити,
 Да твоје свате преведем
 И тебе с Аном пренесем (Кар. Пјес. I, II).

Безъ сдѣланнаго выше предположенія, что соколъ есть мифическое лицо, первоначально тождественное съ женихомъ, что онъ переноситъ невѣсту черезъ небесную рѣку на его сторону, т. е. на землю, было бы непонятно, почему невѣстѣ нужно непременно переправляться черезъ воду, и съ какой стати славильщикамъ пришло въ голову величать жениха тѣмъ, что ему при женидбѣ поможетъ соколъ? Но понятно, что это дѣйствительное величанье, когда говорятъ хозяину, что боги посѣщаютъ его домъ (Омиѳ. зн. нѣкот. обр. 17, 20, 22 слѣд.), или жениху—что боги устроятъ его свадьбу (ib. 38, пѣсня о золоторогомъ оленѣ, подобная вышеприведеннымъ о соколѣ).

Въ слѣдующей свадебной пѣснѣ невѣста перевозитъ черезъ море сватовъ на вѣнкѣ, жениха на вѣткѣ розмарина. Эти странные суда — символы дѣвства («Кад-долазе мушхулугджије», вѣстовщики):

∴ «Наш војвода, камо ти сватови?»
 — Остали се на мору возећи.
 «Наш војвода, ко возар бијаше?»
 — Возар беше госпођа девојка:
 Све сватове на венцу превезе,
 Младожену на струк'рузмарина (Кар. Пјес. I, 44).

Согласно съ этимъ смыслъ слѣдующей колядки тотъ, что у величаемой дѣвицы много жениховъ, но что ей теперь не до нихъ, за семейною радостью:

Дівка Ориночка перевізъ держала;
 Перевозила царівъ, та панівъ, та отецькихъ синівъ.
 Наіхало до неі сімсоть молодцівъ:
 «Перевези жъ насъ дівко Оришечко!»
 — Коли-жъ мѣні васъ та перевозить?
 Приіхавъ до мене братикъ зъ війська-дороги.
 Вінъ привізъ мені та три радости:
 Первая радість—зеленя сукня ¹⁾,
 Другая радість—золотой перстень;
 Третяя радість—перлова камка...
 ... Та бувай здорова, дівко Ориночко и пр. (Метл. 333).

¹⁾ Свадебное платье? И невѣста-земля «у зеленой сукни зъ білими басанами». Ср. «Та не кажіть моі мамі, що такъ марне загинувъ. Але кажіть моі мамі, що (его невѣста) три барви на рікъ бере: На весну зеленую, въ осенѣ чорненькую, а въ зимі біленькую. (Zeg. Paul. I, 158).

На дѣвичникѣ невѣста говоритъ:

Кто бы меня за рѣчку перевезъ,
 Много бы дала тому золота,
 Больше бы того — скатна жемчугу.
 Не откуль взялся Агафонъ господинъ (женихъ),
 ... Онъ лодочку спускаетъ на быстру рѣку.
 ... «Ужъ чѣмъ тебя дарить (за перевозъ) добрый молодецъ?
 Есть у меня золота казна,
 Жемчугъ дорогой, платье цвѣтное»
 — Мнѣ не надо твоя золота казна,
 Жемчугъ дорогой платье цвѣтное:
 Подари собой, мое сужено,
 Мое сужено, мое ряжено (Гуляевъ Оч. Ю. С. 10).

Эта пѣсня есть варіантъ вышеприведенной: Бурею Наталья-свѣтъ всѣ лѣса прошла.
 Невѣста или женихъ бредутъ черезъ рѣчку:

Teče voda Lidečkem
 Tým fojtovým dvorečkem.
 Kdo tu vodu pobřeде,
 Ten panenku povede

(т. е. возьметъ за себя дочь войта);

Kdo tu vodu pit' bude,
 Hezku ženu mět' bude (Mor. Nár. P. Suš. 423).

Пить значить любить (O нѣкот. симв. 12 слѣд.).

Тече річка невеличка, схочу-перескочу;
 Віддай мене, моя мати, за кого я схочу.
 Ой сама я не знаю, що робити маю:
 Чи плисті, чи брести, сама не згадаю,

т. е. она не знаетъ, выходитъ ли ей замужъ, или нѣтъ.

Переходомъ къ слѣдующему пусть служитъ свидѣтельство словъ лат. *pons* и лит. *tiltas* о связи представленій перехода, брода и моста.

Лат. *pons*, мостъ, греч. *πόστος*, море, первоначально значить тоже, что скр. *пантан-паттин-патн* (3 темы въ одномъ скл.) дорога, *пѣтнас* (изъ *пантнас*) стезя, слав. *пѣть* (тема *панти*), нѣм. *pfad*, стезя и *rad*, *pat* (Нижн. нѣм.), тропа черезъ ручей (слѣдовательно бродъ). Относительно связи пути и моря ср. выраженіе грамоты «море-путь Божій, всемірный, неразградимый». Тотъ-же эпитетъ въ мр. пѣснѣ: «иди-жь ти у божу путь» (Метл. 15). Эпитетъ этотъ подкрѣпляетъ мнѣніе Куна, что *πόστος*, *pons* не непосредственно отъ основного зн. пе-

решили къ значенію моря и моста. Какъ скр. *pāthas* означаетъ въ Ведахъ небесный путь, путь облаковъ, путь, по которому жертвы восходятъ къ богамъ, такъ *ῥόντος* значило сначала небесный путь, а потомъ и морской. Что *pons* (тема *ponti*) прежде могло относиться къ небесному пути и мосту, видно изъ *ponti-fex*, соответствующаго по знач. Скр—му *патһи-кріт*, собств. дѣлающій путь, т. е. пролагающій путь къ богамъ. Эпитетъ *патһи-кріт* носитъ богъ *Бриһаспати* или *Браһмаһаспати*, господинъ (умственного) возвышенія, т. е. молитвы, этотъ, какъ выражается Кунъ, *rop-fiteh mahimus* Индійцевъ періода Ведъ; *патһи-кріч чаруһ* (чару, родъ жертвенной каши съ молокомъ, поминальная кутья) есть примирительная жертва, «пролагающая путь» (т. е. другимъ жертвамъ или мольбамъ), п. ч. она назначалась жрецамъ въ случаѣ неправильности задушной (поминальной) жертвы, необходимой для блаженства усопшихъ (Статья Кунъ въ *Zeit. f. v. Spr.* iv, 73 слѣд.).

Лит. *tiltas*, мостъ, по звукамъ тождественно съ скр. *tūrthā* (м. и ср. р. кор. тар, переходить), путь, улица, стезя, особенно къ водѣ; отсюда—водопой, мѣсто для купанья, особенно для очистительныхъ обрядныхъ омовеній, бродъ. Последнее значеніе можно предположить и въ лит. словѣ; бродъ, по времени, предшествуетъ мосту.—Въ самомъ, до сихъ поръ необъясненномъ, словѣ мостъ можно искать значенія пути на слѣдующихъ основаніяхъ: *c* передъ *m* можетъ быть изъ зубн. зв. *ḍ*, *t*, *th*; слав. *m* въ нѣсколькихъ случаяхъ соответствуетъ скр—му *n*, напр. въ польс. *kłamaś*, чеш. *klamati*, врать, =скр. *клâп-а-ја-ши* (= *һлâпа-ја-ши*), шумѣть, неразборчиво говорить, *джалп-ати*, говорить, славить (съ чѣмъ ср. лит. *kalba*, рѣчь, и сродн.); въ мы-ть = скр. *nū*, очищать; б. м. въ *мрѣжа*, если онъ отъ скр. кор. *прідж*, вязать¹⁾. Такимъ образомъ вѣроятно, что мостъ относится къ корню *пад* (скр. идти и падать) или *патһ* (идти).

Есть довольно ясныя славянскія свидѣтельства о представленіи небеснаго пути и вообще неба мостомъ.

Небо есть твердый покровъ²⁾ или помость, который въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ и проломиться: «Тако се наде мною небо не ломило! Тако се небо нада ме не проломило!» (Карадж. Посл. 309). Сестра отвѣчаетъ брату на предложеніе выйти за него замужъ:

О чу ли ме, мој брате Стефане!
 Преће би се небо проломило,
 А на небо сунце погинуло,
 Но узела тебе господара (Кар. Пјес. II, 125);
 Не може ми закон поднијети,
 Да каурин Турске буле любви:
 Небо би се ведро растворило,
 А из неба паднуло камене,
 Убило би и мене и тебе (ib. 615.)

¹⁾ Все три сблиз. Гильфердинга.

²⁾ «Покрышка» въ мр. «щобъ тобі ни дна, ни покышки!» т. е. ни земли подъ ногами, ни неба надъ тобою.

Не смијемо цркви ударити ¹⁾:
 Ведро би се небо проломило,
 А пануло студено камене (ib. III, 67);
 Санак снила Иванова мајка...
 Ће се ведро небо проломило,
 Сјајан мјесец пао на землицу (ib. 223).

Небо есть токъ (отъ теку; ср. лит. *takas*, стезя, тропа, и *дромос*, ристалище), именно металлическій, по связи свѣта и металловъ. Такъ Яга баба бьется съ царевичемъ на мѣдномъ току, а богатырь со змѣемъ—на чугунномъ и мѣдномъ, серебряномъ или золотомъ (З. о Ю. Р. II, 52; Аѳ. Ск. ч, 120 и пр.). Разумѣется, эти поединки происходятъ первоначально на небѣ.

Такія представленія, въ соединеніи съ представленіемъ неба рѣкою, легко могли дать представленіе неба мостомъ, которое тоже встрѣчается въ сказкахъ, на пр. Аѳ. II, 101, гдѣ богатырь бьется со змѣемъ, пожравшимъ солнце на мосту и Аѳ. VIII, 58 слѣд., гдѣ змѣй для битвы съ богатыремъ дѣлаетъ по морю ледяной мостъ. Г. Аѳанасьевъ ib. 367 думаетъ, что здѣсь змѣю приданъ «зимній характеръ», что дѣланье ледяного моста означаетъ: «цѣпящее дыханіе холоднаго вѣтра леденить воду». При этомъ упущено изъ виду, что ледъ, по своему сходству со свѣтомъ и металлами (См. Grimm Wörterb. cis), можетъ быть замѣною вышеупомянутыхъ металлическихъ токовъ и что согласно съ этимъ ледяной мостъ есть свѣтлая небесная твердь. Не думаю, чтобъ небесный мостъ былъ всегда радуга. Такъ на пр. въ загадкѣ: катилися каточки (звѣзды) по ягнову (ясному?) мосточку, увидѣли зорю, попадали въ воду (Даль. Посл. 1061) мостъ есть очевидно не небо. (См. примѣч. 2 въ концѣ ст.). Впрочемъ и радуга, сама по себѣ, могла представляться мостомъ, на пр. въ сказкахъ, гдѣ жениху задаютъ построить заночь мостъ—золотая мостина — серебряная мостина. По всей вѣроятности и «калиновый мостъ», черезъ который переѣзжаетъ Илья Муромецъ (Кир. Пѣсни 1, 5, VI, VII, XIX) есть первоначально-небесный. Черезъ калиновый мостъ лежитъ путь въ рай:

Ой черезъ воду тай черезъ Дунай
 Стоять мостоньки калинові,
 Калинові покощені,
 Покощені жуковинами.
 Ой ишовъ ними господаренько.
 Тай зостриває два три ангели:
 «Най Бігъ, помай Бігъ, господареньку!»
 —Бодай здорові два три ангели!
 «Ой дежъ ти идешъ, господареньку?
 Ой я-жъ бо иду въ рай дороженьки.

¹⁾ Напастъ на...

Вернижь ся зъ нами а зъ ангелами.
 Право-жь ти буде въ рай дороженька.»
 Ой взяла-жь его по підъ плеченька.
 Тай понесли-жь го въ рай дороженьки... (Голов. пѣсни II, 27).

Въ этой колядкѣ славится благочестіе хозяина, изображенное тѣмъ, что онъ ищетъ дороги въ рай. Лѣта молодья, счастливая доля уходятъ отъ человѣка (на небо) по калиновому мосту:

Ой з-за гори изъ за кручі орли вилітають; ¹⁾
 Не за знаю я роскоші, вже й літа минають.
 Запрягайте коні въ шори, коні ворониі,
 Догоняйте літа моі, літа молодіі.
 Чи догналі-- не догналі въ калиновімъ мості:
 «Вернітєся літа моі хочъ до мене въ гості?»
 — Не вєрнемось, не вєрнемся, не маємъ до кòго:
 Не вміли насъ шанувати, якъ здоровья свого — (Метл. 106)?
 Ой запряжу сїрі воли, ворониі коні,
 Да поїду догоняти щасливоі долі.
 Якъ нагнала щастя й долю на калиновімъ мості
 «Вернись, вернись, щастя й доле, та до мене въ гості!»
 — Не вернуся я до тебе, була я у тебе,
 Було тобі (тоді?) шанувати, було полагати (Метл. 253; 254); ср.
 O asz grinzdinizan tiltelin Wėno sidabrelio,
 Kad pagrinszczan pas moczuzem im jaunas dėneles.
 Zalios, zalios dar ruteles Zalios dar rozeles,
 Ale sawo jaunas dėnas Dangiaus ne matysin (Nesselm. 197), т е.

Заставилабъ я помостить мостъ изъ одного серебра, еслибъ могла (по немъ) воротиться къ матери въ молодые дни. Зазеленѣеть, зазеленѣеть еще рута, зазеленѣеть и роза (символы дѣвичьей жизни), но своихъ молодыхъ дней больше не увижу.

Калина, по своимъ постояннымъ эпитетамъ и какъ символъ дѣвства, красоты, любви²⁾, предполагаетъ связь со свѣтомъ, и этимъ объясняется, почему небесный мостъ калиновый.

Черезъ такой калиновый мостъ, или просто черезъ мостъ, кладку переходятъ женихъ и невѣста. Послѣ сказаннаго выше это не требуетъ объясненія.

Свадебная. Ахъ ты Дымка, Дымка рѣка,
 Промежду, Дымка, горь протекла
 Черезъ Дымку быструю рѣку

¹⁾ Между первымъ и вторымъ стихомъ противоположеніе. О нѣкот. сив. 5.

²⁾ Мое соч. о нѣкот. сив. 45. Принятое тамъ сближеніе словъ калина съ калить, кажет-ся, ложно, п. ч. калить = Лит. kalti бить, ковать и значеніе жара, огня и краснаго цв. можетъ быть-развѣ позднѣйшее.

Мощены мосты калиновые,
 Перекладины то валежныя.
 Что никто по мостамъ нейдетъ,
 По калиновымъ не перейдетъ.
 Какъ Иванъ (женихъ) по мостамъ пройдетъ.
 Какъ Михайловичъ то перейдетъ.
 За собою онъ Аксинью ведетъ,
 Николаевну переведетъ,
 Самъ онъ дѣвушкѣ наказываетъ:
 «Ты, Аксиньюшка, не упади,
 Николаевна, не утони.
 —Я хоша, сударь, упаду,
 Хоша упаду, не утону:
 Не схватаюсь я за батюшка,
 За родиму свою матушку,—
 За тебя, сударь, схватаюся,
 За твои то руки бѣлыя,
 За твои перстни злаченые. (Гул. оч. Ю. С. 31.)

Свадебная. Ты зоряль моя, зорюшка,
 Зорюшка вечерняя 2.
 Солнышко восхожее!
 Высоко восходило,
 Далекъ освѣтило
 Черезъ чистое поле,
 Черезъ синее море,
 Черезъ быструю рѣку,
 Черезъ широкую рѣку.
 Какъ на той на рѣченьки
 Да лежала досечка
 И тонкая и гибкая.
 И досечка дубовая.
 Какъ по той по досечки
 Никто не хаживалъ,
 Никого не важивалъ.
 Перешелъ Михаилъ сударь,
 Перешелъ Гавриловичъ,
 Перевелъ Анфисычку,
 Перевелъ Гавриловну,
 Переведши онъ ее.
 И цѣлуетъ и милуетъ,
 Крѣпко къ сердцу прижимаетъ. (Са.. Ст. 1, 3, 115.)

Свадебная. Черезъ рѣченьку черемуха лежала,
 Да никто по черемухѣ не ходитъ,
 Лишь одинъ Иванъ переходитъ,
 Свѣтъ Федоровичъ переходитъ,
 Душу Дарьюшку переводитъ,
 Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
 Черезъ низаное ожерелье,
 Черезъ пуговики золотыя. (ib. ср. 130 Терещ. II 200, IV, 149-150.)
 Ой ночка ты ночка осененькая!
 Головка, головка побѣдненькая!
 Мнѣ ночка не спится безъ миленькаго.
 Безъ мила мила дружка нападеть тоска.
 Безъ любезнаго грусть великая.
 Я пойду съ горя въ садъ разгуляюся.
 Я на рѣчку сойду прогуляюся.
 А тамъ за рѣкой ходитъ мой милой,
 Машетъ мнѣ рукой, рукой правою.
 Шляпой черною.

«Сударушка, перейди! красавица, перейди!»
 —Ахъ я рада-бъ перешла, переходу не нашла.
 Переходецъ нашла—жердочка тонка,
 Рѣчка глыбока, водица мутна,
 Улица грязна, матушка грозна:
 Ходить не велитъ, съ тобой говорить. (Кохановской. Нѣсколько
 Русс. пѣсень, 66-7. Русс. Бес.)

Если бъ эту пѣсню разсматривать не въ ряду съ предыдущими и слѣдующими, то можно бы всѣ ея подробности принять за изображеніе дѣйствительныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ надо и то замѣтить, что символъ приводится на память не только личнымъ состояніемъ пѣвца, но и внѣшними обстоятельствами.

Пійшла би я на кладоньку, кобимъ не упала;
 Пійшла бимъ я за нелюба, кобимъ непропала (Коломыйки, Львовъ 1864, 43).

Веснянка. Ой снодо, снодо (?) тонкая,
 Ой якъ то снодо тонкая!
 Була въ мене невіхна такая.
 Та мостила мости изъ трости, 2.
 Та гатила гати изъ мьяти, 2.
 Становила ставни золоті, 2.
 Вішала шнури шовкові, 2
 Та чіпляла дзвони снижові, 2
 Слала китайку по морю. 2

Ой туди іхавъ нелюбъ мій. 2
 Та не бряжчіть, мости изъ трости! 2
 Та не пахніть, гати изъ м'яти! 2
 Та не майте, шнури шовкові! 2
 Та не дзвоніть, дзвони снижові! 2
 Та не май, китайко на морі! 2.

Потомъ повторяются первые 9 ст. съ варіантами: во 2-мъ ст. сноси (?) вм. снодо, трсневі вм. изъ трости въ 4-мъ. За тѣмъ:

Ой туди іхавъ милий мій 2
 Та забряжчіть мости трсневі!
 Та запахніть, гати изъ м'яти!
 Та засяйти, стовни золоті!
 Та замайте, шнури шовкові!
 Та задзвоніть дзвони снижові,
 Та замай, китайко, по морю.

Въ своемъ соч. О миѳ. зн. нѣкот. обр. и нов. 22, приводя пѣсню «Ой мостите мости зъ зеленої брости», я сказалъ, что мощенье мостовъ есть символъ ожиданія. Вслѣдъ за тѣмъ я прибавилъ, что мощенье мостовъ о веснѣ можетъ быть воспоминаніемъ о небесномъ мостѣ, по которому боги сходили на землю. Теперь я думаю, что и въ пѣснѣ «Ой мостите мости», въ которой по этимъ мостамъ переходитъ не отецъ, не мать, а милый, и въ выше приведенной веснянкѣ, мощенье моста выражаетъ ожиданье именно брака и слѣдовательно имѣетъ связь съ представленіемъ неба мостомъ. Подобнымъ образомъ въ свад. п невѣста для бояръ

Помостила мости зъ калиновой троци,
 Та погатила гатки-то зъ рутки, то зъ м'ятки. (Метл. 219)

Въ то-же время, т. е. когда молодой собирается домой и когда расходятся гости въ Польшѣ (и Kurpiów) поють:

Narządzajcie belki w kalinowym moście,
 Bo tedy pojedą Jaśnieńkome goście (Wójc. II, 105).

Одинаково съ мр. пѣснею, въ которой дѣвица моститъ мости «зъ зеленої брости» (ожидая къ себѣ то отца, то мать, то брата и сестру и дождавшись только того, что пріѣхалъ по тѣмъ мостамъ милый), построена слѣд. Вр. круговая:

... По той ли рѣченькѣ калиновый мостикъ,
 На томъ на мосточкѣ лежитъ мостовина
 На той мостовинѣ сидитъ голубина и воркуеть:
 «Завтра поутру радость будетъ,
 «Веселья прибудетъ, батюшка будетъ!»
 Дѣвица отвѣчаетъ:

— Не воркуй, не воркуй сиза голубина:
 Это мнѣ не радость, это не веселье.
 Съ этого веселья не могу вставати,
 Головы поднять, огонь высѣкати,
 Воротъ отворяти, батюшку встрѣчати.

Не радость и то, что матушка будетъ. Въ третій разъ голубь воркуетъ, что миленькій будетъ. Тогда дѣвица отвѣчаетъ:

Вотъ это мнѣ радость, это веселье,
 Съ этого веселья я могу вставати и пр. (Гул. Оч. ю. С. 93—4).

На изложенномъ значеніи моста основано слѣдующее гаданье о женихѣ: «Дѣлаютъ изъ прутиковъ мостикъ и кладутъ его подъ подушку во время сна, загадывая:» кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня черезъ мостъ. «Сіе разумѣется, что должно ей во снѣ то присниться» (Абевега 1-е изд. 151—2); «налить воды въ тарелку, положить на нее нѣсколько соломинокъ въ видѣ мостика и поставить себѣ подъ кровать. Суженый придетъ перевести невесту черезъ мостъ» (Маркевичъ, обычай и пр. Малороссіянъ 21). Татьяна Пушкина — «Русская душой» и ей снится Русскій сонъ:

Ей снится...

Потокъ не скованный зимой;
 Двѣ жердочки склеены льдиной,
 Дрожащій, гибельный мостокъ,
 Положены черезъ потокъ...
 Какъ на досадную разлуку,
 Татьяна ропщетъ на ручей;
 Не видитъ никого, кто руку
 Съ той стороны подалъ бы ей.

И вотъ ... Большой взъерошенный медвѣдь...

... Лапу съ острыми костями
 Ей протянулъ; она скрѣпясь
 Дрожащей ручкой оперлась.
 И боязливими шагами
 Перебралась за ручей;
 Пошла—и чтожъ? медвѣдь за ней (гл. V, XI—XII)

Этотъ сонъ предвѣщаетъ выходъ за мужъ, хоть и не за милаго.

Примѣч. 1-ое. Изъ многихъ доказательствъ этого извѣстнаго положенія приведу здѣсь одно. Въ серб. пѣснѣ св. Илья будить спящаго среди рая св. Николая, которому, по раздѣлу власти между святыми, достались «воде и бродове» (Кар. пј с. II, 3), и говоритъ ему:

«Та устани Никола!
 Да идемо у гору (въ лѣсъ).
 Да правимо корабе,
 Да возимо душице
 Съ овог света (т. е. изъ рая) на онаі (Кар. пјес. I, 134).

Примѣч. 2-ое. Великій постъ представили или существомъ идущимъ по мосту, или, что чаще, самимъ мостомъ: «Посреди великаго поста пекутъ кресты, и съ этими крестами сажаютъ кого либо на ночь на печь, чтобы онъ подслушивалъ, какъ перейдетъ половина поста. Когда что нибудь треснетъ въ переднемъ углу избы, тогда означаетъ, что постъ перешелъ свою середину» (Терещ. VI, 19—20). На канунѣ 40 мучениковъ матери не даютъ спать дѣтямъ, заставляя ихъ слушать, какъ переломится постъ по поламъ; для этой же цѣли накрываютъ ихъ рѣшетомъ и бьютъ сверху палкой (ib.). Загадки, означающія постъ: Стоитъ (мостится) мостъ на семь верстъ, на мосту дубъ (кустъ), на дубу (на кусту) цвѣтъ во весь бѣлый свѣтъ; стоитъ мостъ на семь верстъ, наконецъ моста золота верста (Свѣтл. праздн. Даль. Посл. 21. Ср. Маркевичъ, Обыч. и пр. 3). Какъ и въ другихъ случаяхъ время представляется пространствомъ* (См. мою ст. О связи нѣкот. предст. Фил. Зап. 1864, III, 113—114), такъ и здѣсь семинедѣльный постъ — мостомъ (небеснымъ) на семь верстъ.

А. Потебня.

1866.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

ДОМЪ МАЛЮТЫ СКУРАТОВА, НЫНѢ КУРЬЕРСКІЙ МОСКОВСКИХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

Домъ этотъ, находящійся за Москвой рѣкой, на Берсеневкѣ, рядомъ съ церковью св. Троицы или Николая Чудотворца, какъ она обыкновенно называется по одному изъ ея придѣловъ, въ высшей степени замѣчательнъ по своей древности и исторической судьбѣ. Преданіе, заслуживающее полного довѣрія, гласитъ, что онъ существовалъ уже въ XVI-мъ вѣкѣ¹⁾ и въ царствованіе Іоанна Грознаго принадле-

¹⁾ Преданіе это подтверждается слѣдующими данными: 1) мѣстность, гдѣ находится курьерскій домъ, была населена въ весьма отдаленное время. Уже въ XV-мъ вѣкѣ здѣсь была Стрѣлецкая слобода, а въ началѣ XVI-го столѣтія встрѣчающіеся въ лѣтописяхъ слѣды дома Боярина Берсеня - Беклемишева, казненаго въ 1525 г. на Москвѣ рѣкѣ, относятся можетъ быть даже въ курьерскому дому, такъ какъ рѣшетка, за которою находилась въ то время церковь Николая Чудотворца называлась Берсеневскою, а также Берсеневскими назывались водяныя ворота у каменнаго моста, южная же кремлевская башня слыла подъ именемъ Беклемишевской; почему можно думать, что и нынѣшняя Берсеневка, называвшаяся этимъ именемъ также въ XVII-мъ и XVIII-мъ столѣтіяхъ, получила тогдаже это названіе отъ имени вышеозначеннаго весьма извѣстнаго въ свое время боярина. 2) Церковь св. Троицы (извѣстная болѣе подъ именемъ церкви Николая Чудотворца), граничащая съ курьерскимъ домомъ, идя въ него съ лѣвой стороны; имѣющая съ нимъ единство по своимъ древнимъ архитектурнымъ украшеніямъ и въ XVII-мъ вѣкѣ возобновленная въ одно съ нимъ время—въ 1656 и 1657 годахъ—была въ XV-мъ столѣтіи монастыремъ, называвшимся Никольскимъ, почему еще въ дѣлахъ XVIII-го вѣка она упоминается подъ именемъ монастыря (см. журн. канцеляр. конфискаціи 1765 г. 2 полов. лист. 525); а съ начала XVII столѣтія имѣются объ ней подробныя официалныя свѣдѣнія въ книгахъ Патриаршаго казеннаго приказа 1628 и 1689 г., хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи; на такую же ея древность указываютъ нѣкоторые находящіеся въ ней образа, особенно риза на иконѣ Казанской Божіей Матери, которую археологи относятъ ко временамъ Іоанна I-го; 3) большая часть стѣнъ этого дома, равно какъ своды, по своей гладкѣ и по кирпичу, изъ котораго онъ сдѣланъ, точно также нѣкоторыя уцѣлѣвшія окна и наконецъ орнаменты указываютъ собою на архитектуру XVI-го вѣка.

жалъ знаменитому его наперснику Малютѣ Скуратову. Согласно другому преданію, онъ перешелъ въ послѣдствіи къ Годуновымъ, изъ коихъ Царь Борисъ Ѳеодоровичъ былъ, какъ извѣстно, женатъ на дочери Малюты Скуратова. За тѣмъ онъ находился въ рукахъ разныхъ боярскихъ фамилій; изъ нихъ преданіе же указываетъ на фамилію Стрѣшневыхъ, но лишь въ началѣ XVIII-го вѣка встрѣчается достовѣрное извѣстіе въ ревизскихъ сказкахъ и дѣлахъ Коллегіи Экономіи, что онъ издавна принадлежалъ Курбатовымъ. ²⁾ Въ 1657 г., какъ значится въ надписи, высѣченной вокругъ креста, изображеннаго вверху сводовъ одной изъ комнатъ этого дома, онъ былъ перестроенъ или покрайней мѣрѣ исправленъ. ³⁾ Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того владѣлица его Ирина Симонова Курбатова построенныя ею «каменные палаты о двухъ апартаментахъ» отдала «для вѣчнаго житья и поминовенія ея по смерти» дьякону Николаевской церкви и «женскаго пола богадѣленкамъ», почему вверху этого строенія поселился дьяконъ Борисъ Ѳеодоровъ, а въ нижнихъ комнатахъ помѣщены были богадѣленки вѣдомства Коллегіи Экономіи. ⁴⁾ Но эти палаты составляли особое зданіе отъ нынѣшняго курьерскаго дома, ибо послѣдній и послѣ того состоялъ еще за Курбатовыми, какъ видно изъ сказокъ второй ревизіи (1737—1739 гг.) ⁵⁾

Съ изложенными преданіями и свидѣтельствами документовъ согласуется архитектура этого дома, сохранившаго, не смотря на бывшія въ немъ перестройки въ XVIII-мъ вѣкѣ, несомнѣнные слѣды того, что въ XVI-мъ или даже въ XV-мъ столѣтіи онъ могъ быть выстроенъ лишь какимъ нибудь знатнымъ бояриномъ, особенно судя по его обширной, съ трехъ сторонъ открытой, въ послѣдствіи обращенной въ сѣни и комнаты, галлерей и по просторнымъ подваламъ, гдѣ наши предки имѣли обычай держать на готовѣ обильные запасы заграничныхъ винъ и домашнихъ напитковъ. Напротивъ того, внутреннія въ немъ передѣлки указываютъ, что въ XVIII-мъ столѣтіи онъ былъ уже приспособленъ для помѣщенія въ немъ какого либо казеннаго учрежденія, и это указаніе въ свою очередь подкрѣпляется приведенными ниже свѣдѣніями, сохранившимися въ документахъ тѣхъ мѣстъ, которыя переводились сюда правительствомъ, за недостаткомъ другихъ зданій, на болѣе или менѣе продолжительное время.

²⁾ См. въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи переписныя книги 1-й и 2-й ревизій, гдѣ въ числѣ домовъ, находящихся «въ приходѣ церкви Живоначальной Троицы, что словеть у Николы въ Берсеневкѣ», значится домъ «иностранный коллегіи Ассессора Петра Васильева Курбатова» и приводимую ниже (примѣч. 4) выписку изъ дѣлъ коллегіи экономіи.

³⁾ Вотъ эта надпись: «написанъ сей Святой и Животворящій крестъ въ лѣто 7165 году; тогожь лѣта и Палата сія посправлена». Послѣднія слова этой надписи не оставляютъ сомнѣнія, что курьерскій домъ уже существовалъ по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII-го вѣка, ибо при извѣстной бережливости того времени не было бы повода исправлять его, если бы этого не требовала его ветхость.

⁴⁾ Сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія находятся въ дѣлѣ Коллегіи Экономіи 1740 года Марта 13 подъ заглавіемъ: «Доношеніе Николаевской, что въ Берсеневкѣ, богадѣльни старостихи Настасьи Лукьяновой съ сестрами, поданное въ Коллегію Экономіи».

⁵⁾ Изъ этихъ сказокъ видно также, что въ означенномъ домѣ жилъ самъ тогдашній владѣлецъ его Коллежскій Ассессоръ Курбатовъ и что при немъ находилось четверо дворовыхъ его людей мужскаго пола.

Уже въ 1746 году курьерскій домъ находился въ вѣдомствѣ Камеръ-Коллегіи, какъ это видно изъ опредѣленія сей Коллегіи 21 Марта означеннаго года, въ которомъ упоминается что она 20 Марта перебралась на каменноосткій питейный дворъ, гдѣ Корчемная Контора; ⁶⁾ послѣдняя же, какъ несомнѣнно извѣстно изъ послѣдующихъ документовъ, помѣщалась въ этомъ домѣ до 1760-хъ годовъ. Въ 1751 году, 3 Декабря, въ «комнаты», занимавшіяся Камеръ-Коллегіей, помѣщена учрежденная по указу Сената 23-го Апрѣля тогоже года Корчемная Канцелярія. Изъ дошедшихъ до насъ дѣлъ этого мѣста и Корчемной Конторы видно, что въ курьерскомъ домѣ они занимали «пять полатъ и что въ немъ до 1762 г. производились неоднократно разныя починки и поправки; между прочимъ для содержанія колодниковъ, обвиняемыхъ въ корчемствѣ, была устроена тюрьма и около нея бревенчатый острогъ. ⁷⁾ Но еще прежде 1764 г., Корчемная Канцелярія и Контора, причисленные къ Губернской Канцелярії, замѣнила въ этомъ домѣ Московская Межевая Канцелярія, мѣсто которой съ 26 Мая 1764 года заступила Канцелярія Конфискаціи; а какъ сія послѣдняя въ 1766 году 9-го Февраля переведена была на Никитскую, въ Володимірское подворье, ⁸⁾ то сюда перемѣщена учрежденная вновь Межевая Губернская Канцелярія. О приѣмѣ на этотъ разъ курьерскаго дома межевскими чинами мы имѣемъ подлинныя документы: онъ сданъ въ вѣдомство Межевой Канцелярії 18 Февраля 1766 года, а 20-го того же мѣсяца въ немъ было первое ея присутствіе. ⁹⁾ Въ 1770 году для Межевой Канцелярії былъ купленъ правительствомъ домъ сенатора Н. Ю. Трубецкаго на Тверской, въ приходѣ Успенія на Вражкахъ, куда она и перешла 20 Октября 1770 года. ¹⁰⁾ За тѣмъ курьерскій домъ

⁶⁾ См. въ Москов. Архивѣ Мин. Юстиціи книги съ протоколами Камеръ-Коллегіи 1746 г. за Мартъ (л. 350) и за Іюль (л. 380-382). Когда именно курьерскій домъ былъ занятъ казною — нѣтъ свѣдѣній въ документахъ; но судя по замѣткѣ, сдѣланной въ 1771 г. секретаремъ Разряднаго Архива Протопоповымъ въ справочной книгѣ Сенатскаго Архива этого года подъ № 66, онъ слылъ еще тогда подъ именемъ дома Маслова. Вотъ эта замѣтка: «Разрядной и Сенатской Архивы вообще переѣхали изъ кремля изъ подъ Вотчинной Коллегіи за каменный мостъ, на берегъ Москвы рѣки, въ приходъ церкви Николая Чудотворца въ Берсеневкѣ, въ домъ Анисима Маслова Марта 14 дня въ 71 году съ секретаремъ Протопоповымъ».

⁷⁾ См. книгу протоколовъ Камеръ-Коллегіи 1751 г. Сент. л. 5 и въ дѣлахъ Корчемной Конторы, хранящихся въ Москов. Арх. Мин. Юст. вязки 21 (№ 11 л. 14, 17 и 78), 42 (№ 33) и 105 (№ 7), и справочную книгу Сенатскаго Архива 1772 года подъ № 70. Въ послѣдней говорится между прочимъ, что при «занятѣ подъ Сенатскій Архивъ казенномъ домѣ, гдѣ прежде была Корчемная Контора, а потомъ Межевая Канцелярія имѣются сдѣланныя во время бытія Корчемной Конторы для содержанія колодниковъ тюрьма и около оной съ одной стороны стоячій бревенчатый острогъ, который отъ давности совсѣмъ развалился и большая часть лѣсу погнила. Этотъ лѣсъ разрѣшено было Сенатомъ употребить на отопленіе Сенатскаго Архива вмѣсто покупки для того дровъ».

⁸⁾ См. въ дѣлахъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи журналы Канцелярії Конфискаціи 1766 года полов. 1-й л. 116, 222 обор. и 223.

⁹⁾ См. въ писцовомъ Архивѣ указъ Московской Губернской Межевой Канцелярії Правительствующаго Сената 1766 г. Января 31 и опредѣленія Межевой Канцелярії того же года 20 Февраля.

¹⁰⁾ См. въ дѣлахъ Писцоваго Архива купчую на этотъ домъ, совершенную 27 Сентября 1770 года и рапорты 20 Октября того же года объ окончаніи перевозки сюда дѣлъ Межевой Канцелярії, Чертежныхъ и Архивскихъ.

оставался нѣкоторое, впрочемъ самое короткое время, пустымъ, такъ какъ въ 1771 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, сюда уже былъ переведенъ, по случаю предпринятыхъ перестроекъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ, Разрядный Архивъ Правительствующаго Сената,¹¹⁾ и съ тѣхъ поръ этотъ домъ называется и въ официальныхъ бумагахъ и въ частныхъ указателяхъ Москвы казеннымъ, также Сенатскимъ Архивомъ.¹²⁾ За время пребываніе здѣсь Разряднаго Архива мы имѣемъ подлинныя документы о произденныхъ въ курьерскомъ домѣ починкахъ¹³⁾ и подробную опись всѣхъ его комнатъ въ трехъ этажахъ и подвалѣ, а также мѣры занимаемаго имъ мѣста, которая была составлена въ 1793 году 14 іюля при передачѣ его въ вѣдомство Московской Казенной Палаты.¹⁴⁾ Передача эта произошла вслѣдствіе перемѣщенія Разряднаго Архива въ выстроенное вновь Сенатское зданіе по причинѣ угрожавшей ему опасности отъ огня при бывшемъ по близости пожарѣ, а также «неспособности для Архива занимаемаго имъ дома», по его ветхости и по мѣстному положенію, какъ выразился тогдашній главнокомандующій Москвы кн. Прозоровскій, въ предложеніи своемъ о томъ Сенату.¹⁵⁾ Долго ли послѣ того находился этотъ домъ въ завѣдываніи Казенной Палаты, не извѣстно; но въ 1806 году онъ исправленъ для помѣщенія въ немъ Сенатской курьерской команды, на что 31 Октября отпущено было въ распоряженіе Оберъ Прокурора Шетнева 2383 р. 54 1/2 коп.¹⁶⁾ и съ того времени онъ называется Курьерскимъ.

Н. Калачевъ.

¹¹⁾ Такъ называется онъ въ официальныхъ бумагахъ, а также Сенатской Разрядной Архивъ. См. справ. кн. Сенатск. Архива 1771 г. № 66 и замѣтку, приведенную выше въ примѣч. 6

¹²⁾ Такъ напр., въ Путеводителѣ къ древн. и достопамятностямъ Москвы 1792 г. ч. III на стр. 74 № 8: въ указателѣ Москвы 1793 г. ч. II на стр. 10, и проч. См. выше примѣч. 7

¹³⁾ См. справочную книгу Сенатск. Архива 1771 г. подъ № 66.

¹⁴⁾ См. въ Сенатскомъ Архивѣ книгу Оберъ прокурорскихъ дѣлъ 1792 г. подъ № 47. Изъ этой описи видно, что расположеніе комнатъ и вообще видъ курьерскаго дома, а также пространство занимаемаго имъ двора остались съ того времени до сихъ поръ безъ измѣненія, за исключеніемъ небольшого лоскутка земли, уступленнаго въ 1839 году, по распоряженію бывшего тогда Министра Юстиціи Д. Н. Блудова, церкви Николая Чудотворца подъ постройку колокольни (см. дѣло въ Сенатскомъ Архивѣ по кастелянской части подъ № 201).

¹⁵⁾ См. приведенную въ предъидущемъ примѣчаніи книгу Оберъ Прокурорскихъ дѣлъ. Не смотря на поводъ, выставленный княземъ Прозоровскимъ къ перемѣщенію Сенатскаго и Разряднаго Архивовъ, мѣсто, занимаемое курьерскимъ домомъ, принадлежитъ къ одному изъ наиболѣе удобныхъ и безопасныхъ отъ огня: доказательствомъ тому служатъ ужасные пожары 1629 и 1737 годовъ, изъ коихъ каждый истребилъ значительную часть Москвы, но ни одинъ не доходилъ до Берсеневки. Что касается до указаннаго выше пожара, бывшего въ 1792 г. 29 Мая, то онъ не могъ быть значительнымъ, ибо курьерскій домъ «остался въ цѣлости тѣченіемъ одной Сенатской команды», какъ видно изъ упомянутаго предложенія Главнокомандующаго Москвы Сенату.

¹⁶⁾ См. въ книгѣ приходной и расходной Прав. Сената Московскихъ Департаментовъ курьерск. суммы 1806 г. № 15.

ПИСЬМО ИЗЪ ИТАЛІИ.

Въ дополненіе къ тому, что я говорилъ въ первомъ письмѣ о новыхъ открытіяхъ по части христіанскихъ древностей, я сообщу въ настоящемъ письмѣ свѣденія о древне-христіанскомъ сосудѣ, находившемся на послѣдней всемірной выставкѣ въ тунисскомъ отдѣленіи. Соединеніе христіанскихъ представленій съ языческими дѣлаетъ его особенно интереснымъ. Объясненіе его, вмѣстѣ съ рисункомъ, помѣщено въ 6 № *Bulletino di arch. crist.* (1867) и принадлежитъ извѣстному знатоку христіанскихъ древностей Джіованни Батиста де Росси.

Свинцовый сосудъ, около четверти метра вышины, въ формѣ ведра, къ низу уже, а къ верху расширяется. — На верху, съ одной стороны греческой надписи—два павлина касаются клювами сосуда, который стоитъ между ними; съ другой — Нерейда сидитъ на гиппокампѣ. Ниже этихъ изображеній и надписи — добрый пастырь между пальмою и гладіаторомъ. На другой сторонѣ, въ соотвѣтствіи доброму пастырю — молящаяся (*orans*) между пальмой и крылатой Побѣдой. Нижній рядъ изображеній составляютъ два оленя у четырехъ источниковъ, съ крестомъ надъ ними. Это изображеніе повторяется на обѣихъ сторонахъ сосуда. Между двумя сторонами сосуда видна еще борьба животныхъ. Снизу и по бокамъ сосуда вьются виноградныя лозы.

Греческая надпись — *ΑΝΤΛΗΣΑΤΕ ΥΔΩΡ ΜΕΤ ΕΥΦΡΟΣΥΝΗΣ*—(почерпайте воду съ радостію) напоминаетъ 8-й стихъ XII главы пророка Исаіи и встрѣчается съ нѣкоторыми видоизмѣненіями на многихъ сосудахъ для святой воды. Извѣстно, что, начиная съ IV вѣка, при входахъ въ базилики устраивались фонтаны, которые украшали священными изображеніями и соотвѣтствующими надписями.

Что касается до общей композиціи изображеній на нашемъ сосудѣ, то она находитъ себѣ аналогію въ расположеніи группъ въ апсидахъ базиликъ. Въ апсидахъ четыре рѣки, истекающія изъ горы, орошаютъ равнину, на которой олени и овцы утоляютъ свою жажду. Въ вершинѣ или раковинѣ апсиды царитъ образъ Христа съ святыми въ раю, обозначенномъ пальмами, часто съ фениксомъ, символомъ воскресенія.

Такое сопоставленіе верхняго и нижняго поля символически представляет земную церковь, вѣрныхъ, жаждущихъ воды вѣчной жизни, истекающей у подножія креста, и церковь, торжествующую съ Христомъ и святыми, достигшими обѣтованной жизни. — Тоже соотвѣтствіе мы видимъ и въ тунисскомъ сосудѣ. И здѣсь пальма обозначаетъ рай. Но Спаситель является здѣсь не въ торжественномъ величіи, какъ въ апсидахъ базиликъ, а въ архаическомъ образѣ евангельскаго пастыря; его сопровождаютъ не апостолы и святые, а гладіаторъ—побѣдитель. Съ другой стороны сосуда въ томъ же верхнемъ полѣ — молящаяся съ олицетвореніемъ побѣды. Изображеніе виноградныхъ лозъ и гроздій вызываетъ въ памяти евангельскія притчи и не требуетъ особенныхъ объясненій.

Труднѣе объяснить умѣстность борьбы животныхъ, помѣщенной между главными символическими группами. Олимпіодоръ обращался съ вопросомъ къ св. Нилу, ученику Златоуста, — прилично ли покрывать стѣны базиликъ изображеніями различныхъ животныхъ, охоты на нихъ и рыбной ловли. Нилъ порицалъ такія дѣтскія украшенія, которыя занимаютъ мѣсто священныхъ представленій изъ ветхаго и новаго завѣта. (Boldetti, Osserv. sui cemeteri. p. 25, 26; Martigny, Dict. art. Animaux.) Отсюда ясно, что въ V вѣкѣ стѣны церкви украшались сценами изъ животнаго царства безъ всякой нравоучительной цѣли и безъ всякаго символическаго значенія. Тѣмъ скорѣе могли быть употребляемы подобныя украшенія на сосудахъ.

Важнѣе изображеніе Нереиды на морскомъ конѣ. — Древніе христіане были особенно расположены къ представленіямъ изъ морскаго цикла. Голова Океана и фигуры морскихъ чудовищъ нерѣдко встрѣчаются въ живописи подземныхъ кладбищъ и на христіанскихъ саркофагахъ, купленныхъ, вѣроятно, въ языческихъ мастерскихъ. Такія фантастическія изображенія античнаго искусства нерѣдко соединялись съ фигурами Тритоновъ и Нереидъ. Изображеніе Нереиды на нашемъ христіанскомъ сосудѣ есть первое, единственное изъ извѣстныхъ доселѣ памятниковъ; но по аналогіи съ другими подобными представленіями, мы его должны отнести къ тѣмъ космическимъ олицетвореніямъ, которыя допускало христіанское искусство.

Соотвѣтствующее изображеніе на другой сторонѣ сосуда — павлины около вазы — принадлежитъ къ христіанскимъ эмблемамъ символическаго цикла и встрѣчается на памятникахъ ранѣе IV вѣка. Птицы, и въ особенности павлины, по сторонамъ сосуда обозначаютъ души, которыя наслаждаются вѣчной жизнью. — Главнѣйшій интересъ въ объясненіи нашего памятника составляютъ фигуры гладіатора и Побѣды. Изображеніе побѣдителя въ циркѣ вполне согласно съ подобными изображеніями на античныхъ памятникахъ. Около гладіатора стоитъ четырехугольный столбъ, съ котораго онъ снялъ вѣнокъ и, высоко поднявъ, держитъ его въ правой рукѣ. Вѣнцы и пальмовыя вѣтви, какъ награда, полагались около борцовъ на общественныхъ зрѣлищахъ (Magini, Arvali. стр. 285). Но зачѣмъ гладіаторъ помѣщенъ рядомъ съ добрымъ пастыремъ? Такое сопоставленіе ново и не встрѣчается ни въ одномъ изъ извѣстныхъ памятниковъ. — Объясненіемъ можетъ служить то, что метафоры, заимствованныя изъ жизни палестры, борьбы и бѣговъ стадіи или цирка, часто употреблялись апостолами и отца и церкви (1 посл. къ Коринѣ. ап. Павла IX, 24, 25; II посл. къ

Тимоѡ. II, 5; Апокалипс. II, 17). Такъ напр. Тертуліанъ сравниваетъ борьбу мучениковъ съ борьбою на общественныхъ играхъ (*De spectaculis* и *Ad martyres*). Вѣнецъ и пальмовая вѣтвь очень часто встрѣчаются на христіанскихъ памятникахъ и указываютъ на ту сторону древней жизни, изъ которой они были заимствованы. Но еще яснѣе видно это заимствование въ изображеніи бѣгущей лошади по направленію къ пальмѣ и метѣ (*meta*) цирка (*Martigny, Dict. art. Cheval*); или въ изображеніи пѣтушинаго боя на христіанскихъ надписяхъ (*P. Maffei, gemme antiche, II, 217*) и саркофагахъ (*Bosio, R. S. стр. 243*). — Гладиаторъ на сосудѣ, о которомъ мы говоримъ, есть олицетвореніе души христіанина, которая послѣ борьбы и побѣды, получила обѣтованный вѣнецъ безсмертія. Мѣсто нахождения памятника даетъ возможность еще дальше идти въ объясненіи гладиатора. — Сосудъ найденъ въ Африкѣ. Перпетуя — славнѣйшая африканская мученица, — своей собственной рукой описала видѣнія, которыя она имѣла въ темницѣ. Эти видѣнія предвозвѣстили ей близкое мученичество и ожидаемую награду. Ей казалось, что она преобразилась въ атлета и билась въ амфитеатрѣ съ безобразнымъ Эііопомъ, надъ которымъ она одержала побѣду. Начальникъ игръ далъ ей предназначенную награду. Въ другомъ видѣніи она была принята божественнымъ пастыремъ въ небесномъ саду. (см. *Kuinart, Acta mart. sinera, стр. 85*). Сліяніе двухъ аллегорическихъ видѣній въ одно, мы видимъ въ группѣ гладиатора съ добрымъ пастыремъ подлѣ пальмы. Смѣшеніе атлета съ гладиаторомъ не можетъ быть трудностію при объясненіи, тѣмъ болѣе, что предсѣдателя игръ сама Перпетуя называетъ *lanista* (что относится къ гладиаторскимъ играмъ) вмѣсто *agonothetes*.

Крылатая Побѣда встрѣчается часто на монетахъ христіанскихъ императоровъ, на консульскихъ и императорскихъ диптихахъ и на другихъ памятникахъ христіанскаго времени, какъ олицетвореніе идеи, не противное духу христіанства.

Извѣстное изображеніе молящейся (*orans*) объясняется различно: или какъ олицетвореніе церкви въ соотвѣтствіи Христу, или какъ представленіе души усопшаго. Въ настоящемъ случаѣ это изображеніе, вмѣстѣ съ крылатою Побѣдой, можетъ имѣть отношеніе къ видѣнію Перпетуи.

Отсутствіе греческихъ надписей въ Тунисѣ (собственно *Africa*, гдѣ церковнымъ языкомъ былъ постоянно латинскій) заставляетъ предполагать г. Росси, что сосудъ былъ работанъ не на мѣстѣ его нахождения, а скорѣе всего въ Киренаикѣ, гдѣ господствующій языкъ былъ греческій.

Четыре рѣвки съ крестомъ и оленями не даютъ права относить сосудъ ко времени ранѣе IV вѣка. — Форма греческихъ буквъ въ надписи указываетъ на происхождение не позже V вѣка. Въ подтвержденіе того, что памятникъ относится къ IV или къ началу V в. (не позже), авторъ статьи говоритъ о гладиаторскихъ играхъ, которыя окончательно уничтожены въ 404 году. Но эти доказательства мнѣ кажутся слабыми, и потому я опускаю ихъ.

Что касается до того способа, какъ исполнены фигуры на сосудѣ, то интересно, что онѣ оттиснуты рельефно на четырехугольномъ свинцовомъ листѣ, который потомъ согнутъ оваломъ для сосуда. —

Кстати упомяну о новомъ приобрѣтеніи Британскаго музея по части христіанскихъ древностей. Заимствую краткія свѣденія о немъ изъ статьи Вагена (*Kunst-Chronik. Beiblatt zur Zeitschrift für bildende Kunst. 1868г. № № 13 и 14*). Въ числѣ другихъ древнихъ памятниковъ собранія герцога Блакаса (*Blacas*), описанію котораго посвящена статья Вагена, поступилъ въ Лондонскій музей единственный въ своемъ родѣ памятникъ итальянской работы по богатству и частію по значительной величинѣ. Это серебряный уборъ невѣсты, найденный въ одной могильной комнатѣ въ Римѣ въ 1793 году. На главномъ предметѣ, туалетномъ ящикѣ, находится надпись «*Secundae et Projecta, vivatis in Chris (to)*.» По грубости скульптуры, которою украшенъ ящикъ, и по свойству надписи онъ долженъ относиться къ концу V или началу VI вѣка.

Изъ сочиненій по части христіанскихъ древностей наконецъ появился давно ожидаемый второй томъ «Подземнаго Рима» Росси (*La Roma sotterranea cristiana*). Эта огромная книга заключаетъ въ себѣ описаніе катакомбъ Каллиста, чрезвычайно интересныхъ для изученія христіанской археологіи. Къ ней приложены изслѣдованія о древнихъ мартирологахъ и объ актахъ мучениковъ. — Атласъ даетъ богатый матеріалъ по монументальной и художественной археологіи. Въ немъ помѣщено до полутысячи надписей, не считая скорописныхъ на стѣнахъ (*i graffiti*); множество снимковъ съ фресокъ, которые представляютъ непрерывный рядъ изображеній съ конца II до начала IV вѣка, съ образцами живописи V, VII и IX вѣковъ; по архитектурѣ планы, разрѣзы и перспективные виды кубикулъ и криптъ катакомбъ Каллиста. — Въ слѣдующихъ томахъ авторъ обѣщаетъ издать описаніе одного кладбища втораго вѣка и одного перваго, и такимъ образомъ сдѣлаются извѣстными важнѣйшіе памятники христіанскаго искусства до Константина. —

В. Виноградскій.

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ИЗЪ ЖИТІЙ СВЯТЫХЪ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕРУССКАГО ИКОНОПИИЦА.

Исторія нашей иконописи — предметъ далеко еще не разработанный. До сихъ поръ преимущественно обращено было вниманіе на изученіе ея технической стороны по школамъ и сравнительное изученіе по сюжетамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что намѣчены два самыхъ первыхъ, самыхъ капитальныхъ вопроса въ изученіи этого предмета. Изъ сравнительнаго изученія самъ собою вытекаетъ вопросъ о томъ, что есть національнаго въ нашей иконописи. Послѣ этого нетрудно уже будетъ дальнѣйшее изученіе и постановка новыхъ вопросовъ. Таковы вопросы о томъ, сколько икона, кромѣ своего чисто религіознаго значенія, имѣла вліянія на нашихъ предковъ одной своею техникой и каковы были иконописцы въ своихъ мастерскихъ, въ своей семейной жизни? На этотъ разъ мы представимъ нѣсколько свѣдѣній въ отвѣтъ на второй вопросъ.

До сихъ поръ мы почти еще ничего не знаемъ изъ частной жизни нашихъ древнихъ иконописцевъ. Даже такая личность, Симонъ Ушаковъ, не имѣетъ еще до сихъ поръ своей біографіи. Но если и вообще личность не выработалась въ древней Руси, то по крайней мѣрѣ важенъ общій типъ, общій характеръ дѣятельности нашихъ иконописцевъ. Въ одной небольшой замѣткѣ было уже указано на односторонность господствовавшаго понятія о древнерусскомъ иконописцѣ, какъ человѣкѣ безусловно высокой нравственности.

И дѣйствительно, Стоглавъ, въ главѣ объ иконописцахъ, имѣетъ въ виду такихъ изъ нихъ, которые жили зазорно и безчинно, проводили время въ пьянствѣ и нечистотѣ, вмѣсто высокаго понятія о своей профессіи, какъ о подвигѣ религіозномъ, смотрѣли на иконопись, какъ на ремесло и средство кормиться, что мастера старались скрывать свои знанія отъ учениковъ, что иногда они потворствовали своимъ ученикамъ, выдавая за ихъ произведенія чужія или недавая ходу своему талантливому ученику. Вотъ та картина дѣйствительности, на основѣ которой возникли и составились предписанія Стоглава!

XVII вѣкъ оставилъ еще болѣе данныхъ для характеристики этой черной стороны жизни нашего иконописца. По матеріаламъ, изданнымъ И. Е. Забѣлинымъ, видно,

что иконописцы бывали въ бѣгахъ,¹⁾ строили иконное дѣло безъ прилежанія,²⁾ писали иконы безъ всякаго разсужденія какъ холдяне,³⁾ пили и бражничали,⁴⁾ лѣнились при исполненіи своего дѣла какъ поденщики, къ которымъ нужны были приставники.⁵⁾

Но не одинъ только строгій обличитель и реформаторъ жизни Стоглавъ, не одни только равнодушныя, официальные записки сохранили для насъ факты, рисующіе темную сторону жизни нашихъ иконописцевъ. Составители жизнеописаній нашихъ святыхъ также не обошли подобныхъ фактовъ и сохранили намъ не одинъ и не два подобныхъ, хотя и краткихъ, разсказовъ.

Нельзя отрицать того, что въ древней Руси были иконописцы, проникнутые религіознымъ воодушевленіемъ. Извѣстно, что иконописцами были многія религіозныя лица, а особенно по монастырямъ монахи, но и между монахами иконописцами былъ въ Хутынскомъ монастырѣ казначей, который жилъ не трезво. Если монастырскій иконописецъ, монахъ, бывалъ пьяницей, то естественно, что не трудно было того же ожидать отъ тѣхъ, которые кормились иконописью, знали ее самоучкой и не хотѣли отказаться отъ нея, не смотря на запрещенія. Замѣтимъ при этомъ, что Стоглавъ, въ словахъ котораго высказывался взглядъ передовыхъ людей того времени, людей, отъ которыхъ зависѣла самая судьба и положеніе иконописцевъ, оставилъ послѣднихъ въ положеніи холостой жизни, а между тѣмъ оставлялъ ихъ внѣ монашеской жизни, изъ чего станетъ яснымъ указаніе Стоглава на иконописцевъ, которые жили въ нечистотѣ.

Въ житіи Саввы Крынецкаго находится разсказъ объ одномъ Псковскомъ иконописцѣ, по прозванію Ушакъ, по имени Мартынъ, которой былъ преданъ пороку пьянства.⁶⁾ Въ томъ же житіи есть разсказъ о другомъ иконописцѣ изъ той же Псковской школы, которому приданъ эпитетъ хитраго. Но этотъ иконописецъ былъ не только хитръ по своему иконному писанію, но и благоразуменъ баше, божественная писанія добре вѣдѣй. А между тѣмъ этотъ иконописецъ, по имени Евстафій, о которомъ упоминается по тому случаю, что жена его Матрена была больна — иконописецъ, котораго можно назвать не только искуснымъ въ своемъ дѣлѣ, но и мудрымъ, въ тоже самое время прибѣгалъ къ волхвамъ и отъ нихъ цѣльбы и помощи чаялъ, а не отъ угодниковъ! Если первый разсказъ о Псковскомъ иконописцѣ подтверждаетъ только ту черную дѣйствительность, которую имѣлъ въ виду Стоглавъ, востававшій противъ пьяныхъ иконописцовъ, то второй примѣръ представляетъ намъ такое странное явленіе, которое стояло совершенно на перекоръ идеальному представленію Стоглава объ иконописцѣ, потому что въ лицѣ Евстафія жизнь и профессія явно двоились.

Не всегда смиреніе и покорность были отличительною чертою нашего древняго иконописца. Одинъ иконописецъ изъ школы Новгородской, по имени Иванъ, какъ разсказывается въ житіи Варлаама Хутынскаго, однажды мучимый бѣсомъ, ударилъ

¹⁾ Времен. Общ. Истор. 1850 г. кн. 7 стр. 118

²⁾ ib. 93 стр. ³⁾ ib. 83 стр. ⁴⁾ ib. 87 и 103 стр. ⁵⁾ ib. 127 стр.

⁶⁾ Ркп. Сян. биб. Малют. мин. Августъ, стр. 1207 и слѣд.

въ ланиту архимандрита и хотѣлъ бить его.¹⁾ Что привело иконописца къ такому поступку и какой бѣсъ сидѣлъ въ немъ—мы не знаемъ, но какъ бы то ни было, этотъ поступокъ кладетъ нѣкоторую тѣнь на представляемую безупречную жизнь нашего древняго иконописца. Но еще болѣе странно встрѣтить въ числѣ нашихъ древнихъ иконописцевъ такого, какъ рассказываетъ объ одномъ, жившемъ въ половинѣ XVII вѣка и тоже, вѣроятно, вышедшемъ изъ Новгородской школы. Изъ житія Галактіона Вологодскаго мы узнаемъ, что иконописецъ Илья произнесъ хулу на преподобнаго Галактіона, называя его «человѣка грѣшна и зѣло понося его». Жена Ильи, отзываясь о такомъ поступкѣ мужа, говорила: своимъ малоуміемъ хулу возлагая понося преподобнаго, а отецъ духовный прямо бранилъ его за это.²⁾ Правда, что этотъ случай произвелъ довольно сильное потрясеніе въ частной жизни иконописца, но едвали его можно считать совершенно исключительнымъ и единственнымъ между древними нашими иконописцами.

Знаменитый иконописецъ Діонисій, которой вмѣстѣ съ Рублевымъ является основателемъ строго благочестивой школы Великорусской или Московской, этотъ самый Діонисій не можетъ быть названъ совершенно безупречною личностью. Покрайней мѣрѣ въ житіи Пафнутія Боровскаго сохранился такой рассказъ о Діонисіи, который представляетъ его далеко не съ идеальной стороны. При построеніи церкви въ Пафнутіевомъ монастырѣ производились дѣла «отъ живописцевъ Митрофана инока и Діонисія и ихъ пособниковъ пресловущихъ тогда паче всѣхъ въ таковомъ дѣлѣ; Діонисій же не возможе дѣлу коснуться по неже ногамъ его зѣло болѣзненнымъ», но Пафнутій уговариваетъ его, обѣщая выздоровленіе. А между тѣмъ Святой заповѣдуетъ иконописцамъ, чтобы они не вкушали мірскаго ястія въ монастырѣ, а ходили для этого въ ближайшую весъ. Разъ иконописцы послѣ обѣда въ означенной веси взяли съ собою въ обитель «едино ходило агнче» печено съ яйцами на ужинъ. Діонисій вкусилъ отъ этого блюда первый; онъ увидѣлъ, что вмѣсто яицъ явились черви. На Діонисія напалъ недугъ свороборъ, такъ что все тѣло его превратилось въ струпъ и онъ не могъ двинуться.³⁾ Какъ бы то ни было, но непослушаніе изъ за ходила агнчаго было и у такого знаменитаго иконописца, какъ Діонисій.

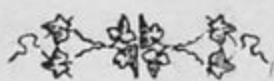
Такимъ образомъ, если нашъ древній иконописецъ Псковской, Новгородской и Московской школъ въ нѣкоторыхъ своихъ представителяхъ является иногда не только непослушнымъ въ употребленіи пищи, не только пьяницей и драчуномъ, но даже, при хорошемъ знаніи священнаго писанія, вѣрять волхвамъ, а иногда бранить даже святыхъ, то это можетъ насъ привести только къ тому заключенію, что существовавшее досихъ поръ представленіе о нашемъ древнемъ иконописцѣ было слишкомъ исключительно и не вполне справедливо.

Иванъ Некрасовъ.

¹⁾ ib. Ноябрь 260 стр.

²⁾ Рян. Рум. Муз. № 296 стр. 15—18

³⁾ Макарь. мнени Май, 129 стр. и слѣд.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ РОЗЫСКАНІЯ ВЛИЗЪ ТЕОДОСІИ

(СОСТАВЛЕНО ПО ОФФИЦІАЛЬНЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).

Въ виду предполагаемаго въ скоромъ времени возобновленія археологическихъ изслѣдованій въ окрестностяхъ Теодосіи, считаемъ нелишнимъ сообщить нѣкоторыя, неизданныя доселѣ, свѣдѣнія о послѣднихъ раскопкахъ, произведенныхъ въ этой мѣстности, въ концѣ 1856 года, по распоряженію пок. графа Л. А. Перовскаго, директоромъ Керченскаго Музея древностей, А. Е. Люценко¹⁾. Раскопки эти сосредоточивались на трехъ пунктахъ: 1) на горѣ, лежащей въ южномъ направленіи отъ городскаго карантинна, 2) спустившись съ нея, на холмахъ, перерѣзанныхъ балками, чрезъ которыя пролегаетъ дорога къ часовнѣ Св. Ильи и 3) на высотахъ, прилегающихъ къ морю, позади городскаго карантинна.

Первая изъ этихъ мѣстностей замѣчательна удачными раскопками, произведенными на ней И. К. Айвазовскимъ въ 1853-мъ году. Раскопавъ три кургана, уцѣлѣвшіе на гребнѣ ея, въ виду города Теодосіи, г. Айвазовскій открылъ въ одномъ изъ нихъ земляную гробницу, съ чрезвычайно изящными золотыми вещами²⁾,

¹⁾ О раскопкахъ, произведенныхъ близъ Теодосіи кн. Сибирскимъ и г. Айвазовскимъ, см. Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго Отчета объ археологическихъ розысканіяхъ въ 1853 году, стр. 126—128. Дюбуа-де-Монперѣ (*Voyage autour du Caucase*, т. V, стр. 300) также упоминаетъ о Теодосійскихъ раскопкахъ. „L'antique position de Théodosie (говоритъ онъ) est une énigme et ce n'est que par conjecture qu'on la place sur le sol de la Quarantaine actuelle. On y a fait des fouilles qui ont produit un petit nombre d'antiquités grecques, des vases étrusques de terre rouge, vernissés en noir. D'autres fouilles opérées aux alentours de Théodosie dans les nombreux tumulus qui s'étendent vers la presqu'île de Kertch, ont amené à peine quelque résultat. En ouvrant deux ou trois tumulus qui devaient servir d'essai, on s'est contenté de les raser sans pénétrer dans le sein de la terre. On n'y a trouvé que deux vases d'une poterie très-grossière, un glaive etc“. См. также соч. Б. Кёне: *Муз. кн. Кочубея*, т. I, стр. 274—275.

²⁾ Онѣ описаны и изданы въ *Древностяхъ Босфора Киммерійскаго*, ч. I, стр. 76—82, табл. XII, а, рис. 1—12.

въ другомъ кувшинъ съ сожженными костями, перемѣшанными съ углемъ и золою, а въ третьемъ, жженую гробницу съ кусочками расплавленнаго золота.

Каждый изъ этихъ кургановъ простирался въ окружность отъ 30 до 35 сажень, при высотѣ не болѣе 1 сажени, имѣя скалистое основаніе и насыпь изъ глинистой земли, смѣшанной съ хрящемъ и мелкимъ камнемъ. Такъ какъ курганы эти были разрыты только по срединѣ, то А. Е. Люценко приступилъ къ раскопкѣ боковыхъ неразслѣдованныхъ частей, въ надеждѣ найти въ нихъ нетронутыя гробницы. Къ сожалѣнію, послѣдствія не оправдали этого предположенія. Въ первомъ изъ нихъ, не оказалось никакихъ боковыхъ гробницъ; во второмъ отрыты были—съ южной стороны разбитый кувшинъ съ углемъ и сожженными костями, между которыми найдены желѣзный стригиль и желѣзный перстень, сильно поврежденные огнемъ; съ западной же стороны — большая гробница, съ истлѣвшею деревянною крышей, опущенная на 1 аршинъ въ материкъ, но гробница эта оказалась давно уже расхищенною. Наконецъ, въ третьемъ курганѣ найдены были, въ насыпи, съ южной стороны, на глубинѣ не болѣе одного аршина, глиняная вазочка о 2-хъ ручкахъ съ клѣтчатымъ узоромъ, а на материкѣ двѣ незначительныя жженныя гробнички.

На второй мѣстности, т. е. по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ часовнѣ Св. Ильи, избрано было для раскопокъ 16-ть небольшихъ кургановъ, по видимому еще некопанныхъ ¹⁾. Въ одномъ изъ нихъ (по правую сторону дороги), насыпь котораго состояла изъ мелкихъ камней, открыта была въ материкѣ яма, засыпанная сверху слоемъ гашеной извести, толщиною въ 1 вершокъ. Въ ямѣ этой находились кости сожженаго покойника, перемѣшанныя съ углемъ и золою. Въ слояхъ угольевъ и золы найдены были, въ разныхъ мѣстахъ, одна цѣльная и 10 поломанныхъ глиняныхъ вазочекъ, расписанныхъ клѣтчатымъ узоромъ, въ слоѣ же извести, смѣшавшейся съ прахомъ покойника — золотой перстень и золотая застежка, филигранной работы, сильно поврежденныя огнемъ. Кромѣ того, внѣ гробницы, съ сѣверо-восточной стороны ея, найденъ въ насыпи разбитый глиняный кувшинъ.

Въ другомъ курганѣ (также по правую сторону дороги ближе къ часовнѣ), оказалась на глубинѣ 3 аршинъ жженая гробница, расхищенная уже въ прежнее время; въ присыпкѣ же, находившейся съ южной стороны его, открыта на материкѣ сложенная изъ бутовыхъ камней квадратная гробница, въ которой стояла на мѣдномъ кругѣ, съ тремя ножками, большая вызолоченная снаружи бронзовая урна, шарообразнаго вида безъ ручекъ и безъ горла. Урна эта накрыта была круглой, повидимому желѣзной, крышкою съ придѣланной къ ней желѣзной ручкой; внутри ея, лежали однѣ сожженыя кости, перемѣшанныя съ углемъ, и черепки отъ вазочки съ клѣтчатымъ изображеніемъ.

Въ третьемъ курганѣ, который лежитъ еще ближе къ часовнѣ и, подобно первому, состоитъ изъ одной каменной насыпи, оказались на материкѣ слѣды разоренной жженой гробницы.

¹⁾ Только въ двухъ находились незначительныя впадины по срединѣ. Нужно вообще замѣтить, что всѣ большіе курганы въ окрестностяхъ Θεодосіи имѣютъ по срединѣ глубокія впадины, свидѣтельствующія о томъ, что курганы эти были уже разрываемы когда-то посредствомъ колодезь.

Въ четвертомъ курганѣ, находящемся въ 15 шагахъ отъ втораго, открытъ на глубинѣ не болѣе одного аршина, каменный склепъ, построенный изъ тесаныхъ каменей раковистаго известника. Имѣя стѣны прямоугольныя и крышу на два ската, онъ походилъ формою своею на саркофагъ. Крыша состояла изъ 8 камней, соединенныхъ, подобно деревяннымъ срубамъ, въ лапу; промежутки между ними заложены были камкой. Впрочемъ, къ склепу не было никакого входа; съ боковъ же онъ замкнутъ былъ квадратными плитами, и сверхъ того, обнесенъ кругомъ стѣною изъ бутоваго камня. Чтобы войти въ него, необходимо было отвалить одну изъ боковыхъ плитъ и разобрать часть крыши. Внутри склепа, на каменномъ помостѣ, стоялъ хорошо сохранившійся деревянный гробъ, крышкою на два ската.

На доскахъ крыши, украшенной точеными карнизами, которые подгнили и обрушились внутрь гроба, стояла, съ правой стороны, разбитая расписная ваза о 2-хъ ручкахъ съ изображеніемъ женской головы, между двумя головами грифоновъ. Въ гробу лежалъ человѣческій остовъ, головою на востокъ; на костяхъ его и въ разныхъ мѣстахъ гроба найдены были слѣдующія вещи: на груди электрова застѣжка; на пальцѣ лѣвой руки — серебряное кольцо; возлѣ правой руки — двѣ глиняныя вазочки, расписанныя клѣтчатымъ узоромъ; около лѣвой руки — такая-же вазочка поломанная, наконецъ у ногъ: съ лѣвой стороны алавастръ, выточенное изъ дерева веретено и полуистлѣвшая корзинка сплетенная изъ ивовыхъ прутьевъ, а съ правой, въ углу гроба, — пустой кипарисовый ящичекъ (длиною въ 6 шириною 5 и высотой 2 вершка); на крышѣ его разноцвѣтными красками изображены были двѣ нагія женщины, сидящія на корточкахъ передъ жертвенниками, а посреди ихъ закутанная въ мантию человѣческая фигура съ полузакрытымъ лицомъ, обращенная къ той изъ нихъ, къ которой спускается съ высоты крылатый геній (вѣроятно Эротъ или Ника), помѣщенный надъ жертвенникомъ, съ правой стороны. Боковыя части ящичка были украшены простенькимъ узоромъ, состоящимъ изъ фигуръ, въ видѣ пирамидъ.

Къ сожалѣнію ящичекъ не выдержалъ перемѣны воздуха и вскорѣ развалился на мелкія части. Крышка же скоробилась, такъ что находившійся на ней рисунокъ почти совершенно изгладился.

Въ пятомъ курганѣ, находящемся въ южномъ направленіи отъ предыдущаго, открыта на материкѣ черепичная гробница, состоявшая изъ двухъ рядовъ черепицъ, сомкнутыхъ въ видѣ крыши на два ската; каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ 3 черепицы, длиною въ 14, шириною въ 11 вершковъ. Кромѣ того 7-мая черепица, такой-же величины, замыкала одну изъ поперечныхъ сторонъ крыши; съ другой же стороны крыша была открыта. Въ гробницѣ оказались: однѣ сожженные кости, перемѣшанные съ углемъ, золою и черепками глиняной посуды. На одной изъ черепицъ находится съ внутренней стороны клеймо, съ какимъ-то неяснымъ изображеніемъ и надписью:

ΘΕΟΓΕΙΤΟΥ
ΑΣΤΥΝΟ...
ΔΑΙΣΚΟΥ.

и на трехъ другихъ буквы: ΛΦ, начертанныя красною краской.

Въ шестомъ курганѣ, каменистаго свойства, находящемся въ томъ-же направленіи, открыты на материкѣ слѣды разоренной каменной гробницы.

Въ 7, 8, 9, и 10-мъ курганахъ, находящихся на той-же мѣстности и заключающихъ въ окружности около 10 сажень, при высотѣ не болѣе 1 аршина, вовсе не найдено гробницъ.

Въ одинадцатомъ курганѣ, который лежитъ тамъ-же и уже былъ разрываемъ въ прежнее время, открыта на материкѣ земляная гробница съ деревянною крышей, состоявшей изъ поперечныхъ, почти совершенно истлѣвшихъ, брусевъ. Въ гробницѣ этой, засыпанной сверху слоемъ гашеной извести находились сожженные кости, перемѣшанные съ углемъ и золою, въ которыхъ найдены кусочки расплавленной мѣди и черепки отъ расписной вазы.

Въ двѣнадцатомъ курганѣ, (тамъ-же), оказалась на материкѣ гробница безъ крыши. Въ ней найдены были обломки отъ расписной вазы и мѣдная монета, сильно поврежденная огнемъ.

Въ тринадцатомъ курганѣ, (съ лѣвой стороны дороги) открыта жженая гробница, давно уже расхищенная; въ ней нашлись только обломки отъ превосходной расписной вазы, съ позолотой.

Въ четырнадцатомъ курганѣ (на скатѣ одного изъ холмовъ, находящихся за балкой) открыта черепичная гробница, состоявшая изъ 6-ти черепицъ въ длину, и двухъ съ боковъ, впрочемъ совершенно подобная той, которая отыскана къ 5 курганѣ. На 7 черепицахъ ея оказались клейма, съ именами астиномовъ и мастеровъ. Въ гробницѣ этой, въ слояхъ золы, угля и праха сожженныхъ костей найдено было нѣсколько мѣдныхъ прутиковъ съ каменными шариками на концахъ, обложенными тончайшимъ золотымъ листкомъ. Въ насыпи же отыскана амфорная ручка съ извѣстнымъ ольвійскимъ типомъ и надписью:

ΕΠΙ ΔΙΟΝΥ...
ΙΕΡΩΝΟΣ

Въ пятнадцатомъ курганѣ, лежащемъ нѣсколько выше предыдущаго, открыта жженая гробница, засыпанная слоемъ гашеной извести и содержащая въ себѣ перегорѣвшія кости, золу, уголь черепки отъ черной лакированной желобчатой вазы, безъ рисунка, нѣсколько мѣдныхъ гвоздиковъ и обломки желѣза, быть можетъ, отъ меча. На днѣ гробницы находилась яма, въ которой лежали 5 дикарныхъ камней.

Въ шестнадцатомъ курганѣ (тамъ-же) ничего не найдено.

На высотахъ, прилегающихъ къ морю, разрытъ былъ курганъ близъ рыбнаго завода (онъ имѣлъ въ окружности около 20-ти сажень, а въ вышину $\frac{1}{4}$ аршина) но въ немъ также не оказалось слѣдовъ гробницы.

Сообщеніемъ этой статьи мы обязаны дружественному участию В. Е. Тизенгаузена, который и по внутреннимъ побужденіямъ ученаго и по должности дѣлопроизводителя Императорской Археологической Коммисіи — всегда неравнодушенъ къ

судьбамъ русской археологической науки. Къ свѣдѣніямъ уже извѣстнымъ статья о Θεодосійскихъ раскопкахъ — прибавляетъ — на первый взглядъ — не много важнаго; но если бы такимъ образомъ были описаны всѣ раскопки, произведенныя и производимыя на русской землѣ, наука имѣла бы превосходный матерьялъ и пошла бы шагомъ болѣе вѣрнымъ, чѣмъ въ настоящее время: тогда — быть можетъ — и то, что намъ кажется теперь не значительнымъ, получило бы свое надлежащее значеніе. Какъ бы то ни было мы не можемъ не принести нашей искренной признательности начальству Археологической Комиссіи за дозволеніе огласить эту новую страницу русской археологической лѣтописи.

А. К.

КУБАНСКАЯ КАМЕННАЯ БАБА.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1867 года въ районѣ Кубанской области въ 6-ти верстахъ отъ станицы Дядьковской Екатеринодарскаго округа открыта совершенно случайно въ курганѣ каменная статуя изображающая женщину. По полученіи о томъ извѣстія г. начальникъ Кубанской области графъ Сумароковъ-Альстонъ приказалъ эту статую доставить въ Екатеринодаръ, гдѣ по внимательномъ осмотрѣ оказалось слѣдующее.

Статуя представляетъ какъ выше сказано женщину монгольскаго типа, весьма хорошо сохранившуюся, не смотря на то, что высѣчена изъ бѣлаго известняка и вѣроятно весьма долго оставалась зарытою въ землѣ.

Фигура состоитъ изъ трехъ частей: головы, туловища съ ногами и пьедесталѣ, но части эти составляли одно цѣлое и вѣроятно какимъ либо случаемъ отломлены; всего росту въ ней 2½ аршина, на шеѣ въ три ряда ожерелье и въ правомъ ухѣ большая тройная серьга, руки почти во всю длину опущены внизъ и ниже живота держутъ сосудъ, голова прикрыта калмыцкою шапкою; глаза, брови, носъ, ротъ и подбородокъ весьма отчетливо сохранились. Въ настоящее время кубанская каменная баба находится въ тифлисскомъ Музеѣ, куда перевезена по приказанію Государя Намѣстника кавказской области.

Представляемый нами снимокъ съ памятника сдѣланъ по отчетливой фотографіи, обязательно доставленной г. Начальникомъ кубанской области.

Обстоятельство, что каменная баба найдена въ землѣ — заслуживаетъ вниманія, ибо едва ли это — явленіе случайное: вспомнимъ, что еще въ прошломъ столѣтіи Мельгуновъ встрѣтилъ подобный фактъ

при раскопкѣ могилы (скиѣской) около Чернаго лѣса у Кучеровыхъ буераковъ (Екатеринославской губерніи ¹⁾), что недавно и у Новочеркаска, какъ видно изъ отчетовъ императорской археологической комиссіи, были найдены въ вершинѣ одного кургана обломки 3-хъ каменныхъ бабъ.

Въ Вѣнѣ вышла книга извѣстнаго путешественника по Турціи и славянскимъ землямъ, Ф. Каница: *Reise in Sudserbien und Nordbulgarien, ausgeführt im Jahre 1864*; книга эта, снабженная картою и пятью таблицами рисунковъ, заключаетъ въ себѣ отчетъ объ археологическихъ изысканіяхъ автора въ названныхъ мѣстностяхъ.

Галицкій ученый Ратиборскій отнесся къ мадьярскому министру просвѣщенія, барону Этвешу съ просьбою оказать содѣйствіе при отысканіи могилы Аттилы, которая, по мнѣнію ученаго, несомнѣнно должна находиться гдѣ-то въ окрестностяхъ Перемышля (въ Галиціи). Министръ передалъ это предложеніе на обсужденіе венгерской академіи наукъ. —

Въ минувшемъ Февралѣ при производствѣ земляныхъ работъ въ деревнѣ Дерново въ Крайнѣ, на мѣстѣ древняго римскаго любопытнаго города *Noviodunum*, найдены многія любопытныя древности, между прочимъ въ высшей степени изящно отдѣланная мраморная плита, бронзовый аграфъ, мѣдныя и серебряныя монеты съ изображеніемъ императрицы Юліи Марсы, римскаго полководца Наузадія и др. Длинная свинцовая труба въ 2 вершка шириной, найденная тутъ-же, и другіе признаки заставляютъ предполагать существованіе большаго римскаго водопровода.

Недавно открыты римскія могилы въ окрестностяхъ Офена, на землѣ, принадлежащей тамошнему акціонерному обществу кирпичнаго производства. Извѣстно, что на мѣстѣ нынѣшняго Офена находился, хотя на гораздо большемъ протяженіи древній городъ *Aquincum*, столица средней Панноніи. — Находка была первой важности и градоначальникъ Офена поспѣшилъ довести о нея до свѣдѣнія министра просвѣщенія, барона Этвеша. Археологъ др. Флоріанъ Ромеръ немедленно приступилъ къ изслѣдованію новаго открытія. Послѣ трехдневнаго неутомимаго труда каменные саркофаги, находившіеся подъ землею на глубинѣ двухъ съ половиною сажень, были доставлены на поверхность. Находка состояла изъ трехъ каменныхъ гробовъ, изъ ко-

¹⁾ См. Извѣстіе Миллера объ этой раскопкѣ въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1864 года, часть 2. стр. 502,

торыхъ одинъ очевидно назначался для ребенка, онъ оказался пустымъ. Гораздо болѣе интереса представили два остальные: одинъ изъ нихъ по всей вѣроятности былъ гробомъ бѣдняка, другой-же принадлежалъ женѣ богатаго римскаго военачальника. Въ одномъ изъ гробовъ найденъ частью хорошо сохранившійся скелетъ высокаго мужчины ростомъ въ семь футовъ. Надписи нѣтъ никакой. Гробъ богатой Римлянки заключаетъ въ себѣ ея остовъ; а извнѣ помѣщена надпись, объясняющая черты жизни похороненной. Эта женщина вышла замужъ на одиннадцатомъ году отъ рожденія и въ теченіе шестнадцатилѣтняго супружества родила шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ только одинъ ее пережилъ. Кромѣ этихъ гробницъ былъ найденъ прекрасный римскій каменный алтарь (ага) и многіе не менѣе замѣчательные каменные предметы.

По свѣденіямъ галицко-полскихъ газетъ, въ Галиціи находится три историко-археологическіе музеума; одинъ въ Львовѣ при извѣстной библіотекѣ Оссолинскихъ, другой въ Краковѣ, основанный мѣстнымъ ученымъ обществомъ, третій состоитъ при кафедрѣ археологіи Краковскаго Ягеллонскаго университета. Всѣ эти музеи весьма медленно пополняются, потому что фонды, назначенные на этотъ предметъ, незначительны, а искатели древностей ведутъ обширную торговлю ими съ музеями заграничными. Послѣ каждой убыли воды и вообще послѣ наводненія вдоль по Днѣстру и на Покутьѣ находятъ въ большомъ количествѣ старыя гробницы, древности персидскія, греческія, римскія, монеты Византійскія и древней Палестины; находки эти быстро переходятъ въ руки мелкихъ торговцевъ и антикваріевъ въ небольшихъ окрестныхъ мѣстечкахъ. Вѣнскій монетный и медальный кабинетъ уже нѣсколько десятилѣтій сряду пополняется изъ этого источника; въ послѣднее время и прусскіе ученые узнали о существованіи его, тогда какъ мѣстнымъ музеямъ онъ какъ будто неизвѣстенъ. Въ монетномъ дворѣ львовскомъ даже съ умысломъ скупаютъ всѣ древнія золотыя и серебряныя монеты, затѣмъ переплавливаютъ ихъ въ слитки. На основаніе частныхъ музеевъ, которые — бы сохранили странѣ находимыя въ ней древности, не возможно надѣяться, въ виду постепеннаго раздробленія большихъ имѣній и уменьшенія средствъ прежнихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Поэтому польская печать взываетъ къ самому обществу, предлагая ему основать обширный археологическій музей на общія пожертвованія и поставить ему въ обязанность сохраненіе находимыхъ въ странѣ древностей,

Въ засѣданіи Словацкой Матицы 6 Мая представленъ былъ гипсовый снимокъ найденной П. Кржижко близъ Кремница древне-славянской (?) рунической надписи. Снимокъ этотъ будетъ повторенъ и разосланъ для разсмотрѣнія всѣмъ славянскимъ ученымъ обществамъ. —

ГРАФЪ КОНСТАНТИНЪ ПИЕИЧЪ ТЫШКЕВИЧЪ.

Первый томъ «Археологическаго Вѣстника» намъ приходится заключить скорбною поминкою о дорогомъ сочленѣ, дѣятельномъ сотрудникѣ графѣ К. П. Тышкевичѣ скончавшемся въ Минскѣ въ іюлѣ текущаго года.

Кто имѣлъ случай узнать покойнаго лично, тотъ не по пословицѣ *de mortuis nil nisi bene*, но по внутреннему чувству правды, отдавая только долгъ справедливости, не можетъ не сказать, что былъ человекъ высокихъ достоинствъ, что потеря его въ полномъ смыслѣ слова есть потеря чувствительная. Тѣмъ чувствительнѣе она для насъ, видѣвшихъ и испытавшихъ благородную юношескую преданность наукѣ этого почтеннаго старца: мы были свидѣтелями, какъ онъ горячо принималъ къ сердцу интересы русской науки, у насъ есть прямыя доказательства искренности и полного безкорыстія его участія: Московское Археологическое Общество ему обязано превосходной коллекціей доисторическихъ древностей западнаго края, многимъ обязана ему и этнографическая московская выставка и многіе частныя лица, съ которыми онъ дружественно дѣлился плодами своихъ поисковъ, всегда тая какихъ усилій и огорченій стоили ему эти поиски. Графа К. П. Тышкевича вмѣстѣ съ его братомъ Евстафіемъ, учредителемъ бывшаго Виленскаго Музея—можно назвать—основателями научной археологіи западно-русскаго и литовскаго края; потому что они первые съумѣли случайное любопытство предметами родной древности возвести на степень серьезнаго интереса и сдѣлали ее постоянною цѣлью своихъ изысканій. Результатомъ этихъ усилій со стороны гр. К. П. было превосходное частное собраніе западно-русскихъ и литовскихъ древностей, преимущественно доисторическаго періода и нѣсколько печатныхъ трудовъ; изъ нихъ — важнѣйшіе: 1) *Wiadomość historyczna o zamkach, horodyszczach, okopiskach starożytnych na Litwie i Rusi litewskiej*. W. 1859, 8°, 194 p. (помѣщ. какъ приложение къ *Tek'w Wileńskiej* изд. А. К. Киркоромъ); 2) *О Курганахъ въ Литвѣ и западной Руси*. В. 1865 4°, стр. 141; за нѣсколько недѣль до смерти гр. К. П. послѣднее сочиненіе въ исправленномъ и распространенномъ видѣ вышло въ Берлинѣ и на языкѣ польскомъ (8°, IV 287), къ нему приложены XVI прекрасно исполненныхъ таблицъ *in fol.* изображающихъ различные предметы древности. Сколь бы далеко ни пошла наука, но и эти труды останутся въ ней необходимыми; основанные на личныхъ самостоятельныхъ разысканіяхъ, они не могутъ быть замѣнены другими, хотя бы и болѣе строгими въ ученое смѣслѣ.

А. К.

ОГЛАВЛЕНИЕ 1-ГО ТОМА.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ:

Древнія изображенія в. к. Владимира и в. к. ОЛЬГИ—д. чл. И. И. СРЕЗНЕВСКАГО. (съ пятью снимками)	1—7
Лабарумъ Константина Великаго—д. чл. П. С. КАЗАНСКАГО	8—11
Нумизматическія замѣтки. I. Определеніе надписей и изображеній на монетахъ стертыхъ—чл. осн. А. В. БРЫКИНА.	12—14
О греческой кормчей древняго состава—д. чл. арх. АМФИЛОХІЯ (съ палеографич. снимкомъ)	15—24
Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи: I, каменные молотки, найденные въ Киевской губ., чл. кор. П. РЕВЯКИНА. II. О находкахъ каменныхъ орудій въ южной Россіи, д. ч. А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО. (съ тремя политипажами)	25—30
Поясныя украшенія въ курганахъ Мерянъ—чл. осн. А. С. УВАРОВА. (съ политипажемъ).	49—53
Два надгробные камня, открытые на таманскомъ полуостровѣ,—чл. осн. К. К. ГЁРЦА (съ снимкомъ)	54—56
Для исторіи древне-славянскаго наряда,—д. чл. д-ра Вильг. МАННГАРДТА. (съ снимкомъ)	57—61
Извѣстіе о раскопкѣ двухъ майдановъ воронежской губерніи, д. чл. Д. О. ШЕППИНГА (съ снимкомъ)	62—66
Монеты съ надписью Василя и Ивана Ивановичей,—чл. о. Д. П. СОНЦОВА (съ двумя политипажами).	67—69
О купальскихъ огняхъ и сродныхъ съ ними представленіяхъ—д. чл. А. А. ПОТЕБНИ	97—106, 145—153
О древностяхъ заволочской Чуди печорскаго края—д. чл. Э. И. ЭЙХВАЛЬДА	107—111
Замѣтки по литературной археологіи: 1) бронтологіи и астрологическія предвѣщанія, 2) Гермесъ Трисмегистъ—чл. А. Н. ПЫПИНА.	112—119
О древнихъ камняхъ—памятникахъ западной Руси и Подляхій—д. чл. графа К. П. ТЫШКЕВИЧА (съ шестью политипажами см. стр. 192).	134—160
Къ русской иконографіи: о нѣкоторыхъ произведеніяхъ русской иконописи, находящ. въ западной Европѣ, чл. И. С. НЕКРАСОВА	161—164

Нумизматическія замѣтки: I. о монетѣ АНТИМАХА ΘΕΟCΑ съ именемъ ДІОДОТА, д. чл. В. В. ГРИГОРЬЕВА.	165—168
II. деньга Андрея Ивановича сына КАЛИТЫ (съ поли- типажемъ чл. осн. Д. П. СОНЦОВА.	168—169
Рѣзная икона: „Премудрость созда себѣ домъ“, принадлежавшая пин- скому князю Ѳедору Ивановичу ярославичу, 1499—1522,—чл. осн. графа А. С. УВАРОВА (съ снимкомъ)	193—203
Украинскія стрѣлы древнѣйшихъ временъ, собранныя надъ Днѣпромъ, возлѣ Михайловой горы,—д. чл. М. А. МАКСИМОВИЧА (съ 45 поли- типажами)	204—219
Описаніе Кашпирскаго Благовѣщенскаго Симеонова монастыря, д. чл. К. И. НЕВОСТРУЕВА.	220—225
Патріаршіе пѣвчіе дѣяки и поддѣяки—д. чл. Д. В. РАЗУМОВСКАГО	241—253
Переправа чрезъ воду, какъ представленіе брака—д. чл. А. А. ПОТЕБ- НИ	254—266

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ;

РАЗБОРЫ СОЧИНЕНІЙ:

ГОЛЬМБЕРГА—о финскихъ древностяхъ каменнаго и бронзоваго вѣка стр.	31
ГРЕВИНКА—о каменномъ вѣкѣ въ остзейскихъ провинціяхъ.	32
МОРТИЛЬЕ—о дохристіанскомъ крестѣ	33
ГАТЦУКА—Старина русской земли к. 1-я	35, 135
ТЕРЕЩЕНКА—о могилахъ и каменныхъ бабахъ	39
Протоколовъ засѣданій общества любителей естествознанія.	40
СТРАШКЕВИЧА—о кладахъ, разсмотр. въ Кіевѣ.	41
ПИПЕРА—объ иконографіи Іоанна Крестителя	70
БАРБЕ ДЕ ЖУИ, аб. КРОНЬЕ, ВИТЕ и ПАРКЕРА—о древне христіанскихъ мозаикахъ	79
ЯГИЧА—о югославянскихъ доисторическихъ древностяхъ	83
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО—о матерьялахъ для изученія славяно-русской палео- графіи	85
Записокъ рус. географ. Общества по отд. этнографіи, т. 1-й.	86
ФЮСТЕЛЯ ДЕ КУЛАНЖА—о древнемъ обществѣ	120
А. ШВАБЕ—о Грекахъ и искусствѣ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря .	127
АУСЕМВЕРТА—о побѣдномъ крестѣ Константина багрянороднаго и Романа II	129
БОГДАНОВА—объ антропологии курганнаго періода московской губерніи . .	170
Трудовъ Владимирскаго статистическаго комитета	176
ДЕТЬЕ—о новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ Константинополѣ	177
И. И. СРЕЗНЕВСКАГО—свѣдѣній о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятни- кахъ	178
ПИПЕРА—Евангелическаго календаря на 1868 г.	226
А. МОРИ—объ успѣхахъ археологіи во Франціи.	230
ФІОРЕЛЛИ—объ археологическихъ открытіяхъ въ Италіи 1846—1866.	233

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ И КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Двѣ античныя каменныя портретами босфорскихъ царей (съ тремя по- литипажами).	43—44
Русская этнографическая выставка.	46—48
Новый способъ опредѣленія древности могилъ, ст. д. чл. А. К.	90—92

Новооткрытыя черноморскія древности (съ 4-мя политипажами)	93—94
Объ археологическихъ трудахъ К. А. МОРО, ст. А. К.	94—96
О камнѣ съ изображеніемъ змѣй (съ политипажемъ)	137—138
О кувическихъ монетахъ, найденныхъ въ Кіевѣ, ст. В. Т. (съ 3-мя политипажами)	138—139
Второй съѣздъ по доисторическимъ древностямъ и антропологии въ Парижѣ, въ 1867 г. ст. П. Л.	140—142
Замѣтки о звенигородскихъ древностяхъ.	180—181
О Сарайскомъ серебряномъ рублѣ.	181—182
Реэстръ бронзовымъ медалямъ съ 1672 г. ст. гр. А. С. УВАРОВА.	183—186
О крестьянскихъ курьихъ богахъ, зам. П. С. КАЗАНСКАГО	186
Письма изъ Италіи объ открытіи предметовъ древности, В. Н. ВИНОВАТСКАГО.	235—239, 271—274
Старыя деревянныя церкви аткарскаго уѣзда САРАТОВСКОЙ губерніи, зам. А. МИНХА.	239—240
Находка монетъ В. Т.	240
Домъ Малюты Скуратова, зам. д. чл. Н. В. КАЛАЧОВА.	267—270
Нѣсколько данныхъ изъ Житій святыхъ для характеристики древне-рускаго Иконописца, ст. И. С. НЕКРАСОВА.	275—277
Археологическія разысканія въ Феодосіи.	278—282
Кубанская каменная баба (съ политипажемъ).	282—283
Гр. К. П. ТЫШКЕВИЧЪ	285
Археологическія извѣстія	46—48, 139—140, 142—144, 186, 190, 583—584

ЦѢНА ПЕРВАГО ТОМА 6 Р. СЕРЕБР.

Типографія Грачева и комп. у Пречистенскихъ вѳроть, д. Шоловой.

Raum für Stenogramm.

